

ДЖЕЙМС РОЛЛИНС

Ключ судного дня

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА БЕСТСЕЛЕР

Отряд «Сигма»

Джеймс Роллинс
Ключ Судного дня

«ЭКСМО»

2009

Роллинс Д.

Ключ Судного дня / Д. Роллинс — «Эксмо», 2009 — (Отряд «Сигма»)

ISBN 978-5-699-48251-1

В Риме в соборе Святого Петра погибает от взрыва археолог из Ватикана. Перед смертью он успевает спрятать среди реликвий собора древний кожаный мешочек, в котором, как он надеется, заключено спасение человечества... В лаборатории Принстонского университета убит известный ученый-генетик... В Африке в лагере Красного Креста застрелен сын американского сенатора... Три убийства на трех континентах, и все три жертвы помечены выжженным на их плоти древним друидическим крестом. Командеру Грею Пирсону и его соратникам из спецотряда «Сигма» предстоит выяснить, что связывало этих людей, и попытаться спасти человечество от приближающегося Армагеддона. От автора «Амазонии», «Бездны», «Песчаного дьявола»!

ISBN 978-5-699-48251-1

© Роллинс Д., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Замечания исторического характера	7
Замечание научного характера	8
Пролог	9
Часть первая	18
Глава 1	20
Глава 2	24
Глава 3	31
Глава 4	41
Глава 5	51
Глава 6	59
Глава 7	69
Глава 8	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Джеймс Роллинс Ключ Судного дня

Маме, с огромной любовью

Северная Европа

Хранилище Судного дня

Замечания исторического характера

Во второй половине одиннадцатого столетия английский король Вильгельм Завоеватель приказал провести подробное обследование своих новых владений. Результатом этих усилий стал огромный том, получивший название «Земельная опись Англии» – одно из самых подробных описаний средневекового уклада жизни. Большинство историков сходятся в том, что сей титанический труд был проделан для того, чтобы определить точные размеры податей с населения Англии, хотя полной уверенности в этом нет. До сих пор это исследование окутано множеством тайн: например, непонятно, почему работы проводились в такой спешке, а также почему некоторые населенные пункты по совершенно необъяснимой причине помечены одним-единственным латинским словом, означающим «опустошенный». Странные обстоятельства, которые сопровождали составление этой переписи, изобилующей множеством мельчайших подробностей, стали причиной того, что современники наградили книгу весьма нелестным прозвищем. Она вошла в историю под названием «Книга Судного дня».

В двенадцатом веке ирландского католического священника по имени Мэл Мэдок, который впоследствии был провозглашен святым Малахией, во время паломничества в Рим посетило видение. Пока он находился в экстатическом трансе, ему открылись сведения обо всех папах, которым предстояло возглавлять Святой престол до скончания мира. Этот пространственный перечень, своего рода каталог ста двенадцати пап, был записан и помещен на хранение в архивы Ватикана, однако вскоре книга исчезла и таинственным образом явилась миру вновь лишь в конце шестнадцатого века. Некоторые историки считают, что возвращенная книга, скорее всего, является подделкой. Так или иначе, на протяжении последующих столетий выяснялось, что описание каждого очередного Папы, как это ни странно, является точным – вплоть до нынешнего главы Римско-католической церкви, Папы Бенедикта XVI. В пророчестве святого Малахии нынешний Папа описан как «De Gloria Olivae», «торжество оливы». А символом ордена бенедиктинцев, в честь которого Папа взял себе имя, действительно является оливковая ветвь. Однако больше всего тревожит то, что Бенедикт XVI стал сто одиннадцатым Папой. А если верить этому пугающе точному пророчеству, со следующим Папой придет конец света.

Замечание научного характера

В течение всего трех лет, с 2006 по 2008 год, бесследно исчезла треть всех домашних пчел в Соединенных Штатах (а также значительная часть пчел в Канаде и Европе). Ульи, в которых еще совсем недавно бурлила жизнь, внезапно опустели. Это явление, названное «катастрофическим разрушением колоний общественных насекомых», породило множество страхов и сенсационных статей. Так что же на самом деле произошло с пчелами?

Ответ содержится на страницах этой книги... И что пугает больше всего, он соответствует действительности.

И в годы последних гонений святую Римско-католическую церковь возглавит Петр из Рима, который среди горя и страданий будет кормить свою паству; после чего город на семи холмах будет уничтожен, и ужасный Судия начнет судить людей.

Пророчество святого Малахии. 1139 год

Сила населения многократно превосходит силу Земли производить необходимое для жизни человека.

Томас Мальтус. Опыт о законе народонаселения. 1798 год

Лучшее время для покупок – это когда по улицам течет кровь.

Барон Натан Ротшильд, самый богатый человек девятнадцатого столетия

Пролог

Весна 1086 года

Англия

Первым признаком беды стали вóроны.

Крытая повозка, запряженная одной лошастью, катила по ухабистой дороге, петляющей между бесконечными полями ячменя, и вдруг в небо черной тучей взмыла стая воронов. Они устремились в голубое небо, шумными кругами поднимаясь все выше и выше, однако это была не обычная паника спугнутых птиц. Вороны кружили в вышине и резко падали вниз, кувыркаясь в воздухе и судорожно хлопая крыльями. Птицы сталкивались друг с другом в небе и дождем проливались на землю. Маленькие черные комки с силой ударялись о дорогу, ломая крылья и клювы. Искалеченные птицы трепетали, слабо поднимая перебитые крылья.

Но самым пугающим во всем этом была полная тишина.

Ни карканья, ни криков.

Лишь неистовое хлопанье крыльев – после чего мягкий шлепок пернатого тела об утрамбованную землю и камни.

Возница осенил себя крестным знаменем и остановил повозку. Его глаза, полуприкрытые тяжелыми веками, не отрывались от неба. Лошадка, встряхивая головой, тяжело дышала, выпуская в прохладный утренний воздух облачка пара.

– Едем дальше, – сказал путник, сидящий в повозке.

Мартин Борр, младший из королевских коронеров, был направлен сюда тайным эдиктом самого короля Вильгельма.

Кутаясь в теплый шерстяной плащ, Мартин думал о грамоте, скрепленной воском с оттиском большой королевской печати. Казна была обременена тяготами войны, и Вильгельм разослал по всей стране десятки королевских комиссаров, чтобы они составили полную опись его земель и владений. Все собранные сведения заносились в громадную книгу под названием «Земельная опись Англии» одним ученым, писавшим на загадочной разновидности латыни. Делалось это все для того, чтобы точно определить размер податей, которые должны были собираться казной.

По крайней мере, так утверждалось.

Были и те, кто подозревал, что столь подробное изучение всех земель было осуществлено с другой целью. Эти люди сравнивали книгу с библейским описанием Судного дня. В Библии говорится, что Бог ведет учет всех человеческих деяний в Книге жизни. И постепенно молва закрепила за плодом этих великих исследований другое название: «Книга Судного дня».

Скептики, сами того не подозревая, были близки к истине.

Мартин прочитал запечатанную воском грамоту. Он видел, как одинокий писец дотошно заносит сведения, полученные от королевских комиссаров, в огромный том, а в конце ученый вывел по-латыни одно-единственное слово, красными чернилами.

Vastare.

«Опустошенный».

Этим словом были отмечены многие области, в том числе земли, разоренные войной и грабежами. Но две записи были полностью сделаны кроваво-красными чернилами. Одна описывала уединенный остров, затерявшийся между побережьями Ирландии и Англии. И вот теперь Мартин приближался ко второму из этих мест, получив королевский приказ провести подробное исследование. Он дал клятву молчать; в помощь ему были выделены три человека. Сейчас они следовали за повозкой верхом.

Возница дернул поводья, побуждая чудовищно огромного гнедого тяжеловоза ускорить шаг. Повозка двинулась вперед, наезжая колесами на трепещущие тела воронов, с хрустом сокрушая кости и разбрызгивая кровь.

Наконец они поднялись на гребень, откуда открылся вид на раскинувшуюся внизу плодородную долину. Вдалеке приютилась деревушка, зажатая с одной стороны каменным особняком, а с другой – церковью со шпилем. Остальными строениями были десятка два бревенчатых домов и россыпь деревянных овчарен и голубятен.

– Милорд, это проклятое место, – пробормотал возница. – Помяните мое слово. И разо-
рила здесь все не чума.

– Мы прибыли сюда как раз для того, чтобы все выяснить.

В лиге позади горная дорога была перекрыта королевским отрядом. Дальше не пропустили никого, и все же это не могло остановить ходившие по окрестным деревням и селам слухи о том, что на долину обрушился какой-то странный мор.

– Проклятое, – повторил возница, направляя повозку вниз по дороге в сторону деревни. – Я слышал рассказы о том, что эти земли когда-то принадлежали безбожникам кельтам. Говорят, для них, язычников, они были священными. По-прежнему в чащах на склонах вон тех холмов можно найти их камни.

Он указал морщинистой рукой на густые леса, которые покрывали вершины высоких холмов, устремленных в небо. Туман, цеплявшийся за верхушки деревьев, превращал зелень крон в грязные оттенки серого и черного.

– Кельты проклинали это место, я вам точно говорю. Принесли гибель тем, кто носит крест.

Мартин Борр не желал слушать эти бредни. Тридцати двух лет от роду, он обрел знания под руководством лучших ученых от Рима до Британии. И сюда вместе со знатоками своего дела явился, чтобы установить истину.

Развернувшись, Мартин махнул рукой, указывая на маленькую деревушку, и трое всадников прищипорили лошадей. Каждый из них знал свою задачу. Мартин последовал за ними, без лишней спешки, изучая и оценивая все, что встречалось на пути. Уединенная деревушка в этой небольшой горной долине, известная под названием Хайглен, славилась в здешних краях своими гончарными изделиями. Глина добывалась из горячих источников, каковыми и объяснялась туманная дымка, затягивающая лес на вершинах. Говорили, что местный способ обжига и состав глины являлись строго оберегаемыми секретами, в которые были посвящены только жители деревни.

И теперь все эти секреты утеряны навсегда.

Повозка, громыхая, катилась по дороге, мимо полей, засаженных рожью, овсом, бобами, мимо грядок овощей. На одних полях, судя по виду, недавно собрали урожай, другие, похоже, были подожжены.

Неужели жители деревни заподозрили правду?

По мере того как повозка спускалась в долину, становились видны ряды овчарен, обрамленных высокими живыми изгородями, которые частично скрывали царящий внутри ужас. Сочные пастбища были испещрены оспинами сотен кучек шерсти, вздутых трупов овец. Ближе к деревне появились также застигнутые смертью свиньи и козы, распростертые на земле, с ввалившимися глазами. В поле валялась пара здоровенных волов, по-прежнему впряженных в плуг.

Повозка подъехала к самой деревушке, спрятанной в зелени деревьев. Вокруг стояла полная тишина. Путников не встретил ни лай собак, ни кудахтанье кур, ни крик осла. Не зазвонил церковный колокол, никто не окликнул чужаков, появившихся в селении.

Тишина была гнетущей.

Как вскоре было установлено, большинство умерших жителей лежали у себя дома, слишком обессиленные перед смертью, чтобы выйти на улицу. Но одно тело застыло на траве, недалеко от каменных ступеней особняка. Мертвый мужчина лежал ничком там, где и упал, возможно, свалившись с лестницы и свернув себе шею. Но даже с высоты повозки Мартин обратил внимание на высохшую кожу, обтянувшую кости, на глубоко запавшие глаза, на неестественную худобу.

То же самое истощение наблюдалось и у домашних животных в поле. Казалось, вся деревня долго была в осаде и все живое в ней умерло от голода.

Послышался приближающийся стук копыт. Реджинальд осадил коня рядом с повозкой.

– Все закрома полны, – доложил он, вытирая руки о штаны. – И еще там крысы и мыши.

Мартин вопросительно посмотрел на высокого, покрытого шрамами воина, пришедшего вместе с королем Вильгельмом с севера Франции.

– Дохлые, как и всё вокруг. В точности как на том проклятом острове.

– Но теперь мор дошел до наших берегов, – пробормотал Мартин. – Пришел к нам на землю.

Вот почему их послали сюда, вот почему дорога в деревню была перекрыта, вот почему все они дали клятву хранить молчание.

– Жирар подыскал вам хороший труп, – продолжал Реджинальд. – Посвежее остальных. Мальчишку. Жирар оттащил его в кузницу.

Он указал на деревянный сарай с каменной трубой.

Кивнув, Мартин вылез из повозки. Он должен был убедиться наверняка, а для этого существовал только один путь. Его долг как королевского коронера заключался в том, чтобы вывести правду у мертвых. Хотя самую кровавую часть работы Мартин решил оставить французскому мяснику.

Мартин шагнул в открытую дверь кузницы. Жирар уже ждал его там, склонившись перед остывшим горнилом. Француз трудился в войске короля Вильгельма, отпиливая воинам изувеченные члены и тем самым спасая им жизнь.

Жирар освободил стол посреди кузницы и уже снял одежду с тела мальчишки и привязал его к столу. Мартин окинул взглядом бледное, исхудавшее тело. Его собственный сын был приблизительно такого же возраста, но жуткая смерть состарила несчастного паренька, покрыла его морщинами, каких не должно быть в его восемь или девять лет.

Пока Жирар готовил ножи, Мартин осмотрел тело внимательнее. Ущипнув кожу, он отметил полное отсутствие жировой прослойки. Затем изучил растрескавшиеся губы, клочки уцелевших на голове волос, распухшие щиколотки и ступни, но наибольшее внимание уделил выступающим костям, водя по ним руками, словно пытаясь прочесть на ощупь карту: ребра, скулы, глазницы, таз.

Что здесь произошло?

Мартин понимал, что ответ не лежит на поверхности.

Жирар подошел к столу, сжимая в руке длинное серебристое лезвие.

– Ну что, сударь, принимаемся за работу?

Мартин молча кивнул.

Через четверть часа тело мальчика походило на выпотрошенную свинью. Кожа, рассеченная от паха до горла, была содрана и приколотая к доскам стола. Туго переплетенные внутренности лежали в окровавленной брюшной полости, вздутые и розовые. Из-под ребер торчала распухшая желтовато-бурая печень, слишком большая для такого маленького ребенка, иссушенного до костей и хрящей.

Жирар подошел к вскрытому животу. Его руки исчезли в ледяных глубинах.

Мартин, оставаясь в стороне, прикоснулся рукой ко лбу и беззвучно зашевелил губами, моля усопшего простить за это бесцеремонное вторжение. Конечно, сейчас было слишком

поздно ждать от мальчишки прощения. Но его мертвое тело еще могло оказать последнюю услугу – подтвердить худшие опасения.

Жиар вытащил желудок покойного, упругий и белый, от которого свисала распухшая багровая селезенка. Несколькими умелыми движениями ножа француз рассек сплетение кишок и бросил освобожденный желудок на стол. Еще один ловкий разрез – и желудок раскрылся пополам. Словно из испорченного рога изобилия, на доски пролилось густое зеленоватое месиво непереваренного хлеба и зерна.

Тотчас же по всей кузнице распространился зловонный запах, сильный и резкий. Мартин прикрыл рукой рот и нос – защищаясь не от смрада, а от жуткой правды.

– Мальчишка умер от голода, это очевидно, – сказал Жиар. – Однако он умер от голода с полным желудком.

Мартин отступил назад, чувствуя, как леденеет все внутри. Вот оно, неопровержимое доказательство. Конечно, для полной уверенности надо будет еще изучить другие трупы. Но и здесь, похоже, причина смерти была той же самой, что и на острове, обозначенном в «Книге наблюдений» словом «опустошенный».

Мартин не мог оторвать взгляд от выпотрошенного детского тела. Теперь понятно, в чем заключалась истинная причина их секретной миссии. Найти язву, поразившую родную землю, и истребить ее, прежде чем она успеет распространиться. Причина смерти всех жителей деревни была той же, что и на затерянном острове. Люди, пораженные странной болезнью, ели и ели, но в конце концов умирали от голода, не получая питательных веществ, полностью истощенные.

Отвернувшись от стола, Мартин вышел из полумрака кузницы на солнечный свет и жадно глотнул свежий воздух. Он устремил взгляд вдаль, на сплошную гряду холмов, покрытых буйной зеленью. Налетевший порыв ветра зашевелил поля ячменя и овса, пшеницы и ржи. Мартин мысленно представил себе человека, плывущего на плоту посреди океана, умирающего от жажды, окруженного со всех сторон водой, пить которую нельзя.

Здесь было то же самое.

Мартин зябко поежился в бледных лучах весеннего солнца. Ему хотелось оказаться как можно дальше от этой долины, но его внимание привлек крик, донесшийся справа, из противоположного конца деревни. Перед распахнутой дверью стояла фигура, облаченная во все черное. На мгновение Мартин испугался, что это сама Смерть, но затем фигура замахала рукой, разрушая образ. Это был аббат Оррен, последний член маленького отряда, настоятель Келлского аббатства в Ирландии. Он стоял у входа в деревенскую церковь.

– Идите взгляните на это! – крикнул аббат.

Мартин поспешил к нему. Это был скорее интуитивный порыв, чем сознательное усилие. Молодому коронеру не хотелось возвращаться в кузницу. Пусть мальчишкой занимается французский мясник. Пройдя через деревню, Мартин поднялся по ступеням и присоединился к католическому монаху.

– В чем дело, аббат Оррен?

Развернувшись, монах направился внутрь церкви.

– Это самое настоящее богохульство! – в негодовании бросил он на ходу. – Взгляните, как эти люди осквернили святое место! Неудивительно, что всех их сразила кара Господня.

Мартин поспешил следом за аббатом. В своем не по размеру большом теплом плаще тощий как скелет монах казался привидением. Из всех них он один побывал на мертвом острове у берегов Ирландии и стал свидетелем тамошнего опустошения.

– Святой отец, вы нашли то, что искали? – спросил Мартин.

Вместо ответа аббат двинулся в глубь церковного зала. Мартину не оставалось ничего другого, как последовать за ним. Внутри царил угрюмый полумрак. Земляной пол покрывал слой соломы. Скамей не было, за частыми стропилами виднелась низкая крыша. Единствен-

ный свет проникал из пары узких, высоких окон в дальней стене, падая полосами на алтарь – простую каменную плиту. Вероятно, голый камень раньше закрывало алтарное полотно, но сейчас оно было сорвано, отброшено в сторону – по-видимому, это сделал монах, проводивший поиски.

Подойдя к алтарю, аббат Оррен дрожащей рукой указал на каменную глыбу. Его трясло от гнева.

– Это просто богохульство, – повторил он, – вырезать языческие символы в доме Господа.

Мартин подошел ближе и склонился над алтарем. Поверхность плиты была покрыта изображениями солнечных дисков с расходящимися лучами и закрученных спиралей, кругов и странных запутанных узоров, несомненно языческих.

– Почему эти набожные люди совершили подобный грех?

– Я не думаю, что это дело рук жителей Хайглена, – возразил Мартин.

Он провел рукой по алтарю. Его пальцы ощутили древний возраст полустертых изображений. Определенно они были очень старые. Мартин вспомнил слова возницы о том, что это место проклятое, что для древних кельтов эта земля была священна и их огромные камни по-прежнему можно найти в затянутых туманной дымкой лесах на вершинах окрестных холмов.

Мартин выпрямился. Судя по всему, один из этих камней приволокли в Хайглен и превратили в алтарь деревенской церкви.

– Если жители деревни тут ни при чем, то как еще можно объяснить вот это? – спросил аббат.

Подойдя к стене за алтарем, он махнул рукой, указывая на большое изображение на ней. Оно было нарисовано совсем недавно, судя по красновато-бурому цвету, кровью. Рисунок изображал круг, рассеченный на четыре части крестом.

Мартину уже приходилось видеть подобные изображения на надгробиях и древних развалинах. Кельтские жрецы считали этот символ священным.

– Языческий крест, – пробормотал Мартин.

– Такой же мы нашли на том острове, им были помечены все двери.

– Но что это означает?

Аббат прикоснулся к серебряному кресту, висящему на шее.

– Все так, как и опасался король. Змеи, которыми кишела Ирландия, изгнанные с острова святым Патриком, перебрались на наши берега.

Мартин понял, что монах имел в виду не настоящих лесных змей, а языческих жрецов, носящих изогнутые посохи, похожие на змей, на друидов, предводителей древних кельтов. Святой Патрик обратил язычников в истинную веру или изгнал из Ирландии.

Но это было шесть столетий назад.

Обернувшись, Мартин посмотрел сквозь распахнутую дверь церкви на мертвую деревню. У него в голове прозвучали слова Жирара: «Мальчишка умер от голода с полным желудком».

В этом не было никакого смысла.

– Все это нужно сжечь, – пробормотал у него за спиной аббат. – А землю засеять солью.

Мартин молча кивнул, однако у него в груди росла тревога. Сможет ли пламя уничтожить то, что было сотворено здесь? Он не мог ответить на это наверняка, но не вызывало сомнений одно.

До конца было еще очень далеко.

Настоящее время

8 октября, 23 часа 55 минут

Ватикан

Отец Марко Джованни прятался в темном каменном лесу.

Массивные мраморные колонны, поддерживающие своды собора Святого Петра, разделяли пол на отдельные капеллы, залы, ниши. Священное место украшали работы великих мастеров: «Оплакивание Христа» Микеланджело, балдахин Бернини, бронзовая статуя «Святой Петр на престоле».

Марко знал, что в этом каменном лесу он не один. Где-то здесь, скорее всего в дальней части собора, затаился охотник, выжидая удобного момента.

Три часа назад Джованни получил записку от собрата-археолога, также служителя церкви, своего бывшего наставника во время обучения в Григорианском университете в Риме. Тот пригласил его встретиться здесь, в полночь.

Однако, как оказалось, это была западня.

Прислонившись спиной к колонне, Марко зажимал правой рукой левый бок, стараясь хоть как-то остановить кровотечение. Мягкие ткани были разрезаны до самых ребер. Горячая липкая жидкость струилась между пальцами. В левой руке священник держал доказательство, которое было ему так нужно, – древний кожаный мешочек размером не больше кошель для монет. Он сжимал мешочек так крепко, словно от этого зависела его жизнь.

Марко чуть сместился вбок, чтобы осторожно выглянуть из-за колонны и осмотреть неф, и кровотечение усилилось. Тяжелые капли упали на мраморный пол. Ждать дальше было нельзя, иначе он слишком ослабеет. Мысленно прочитав молитву, он оттолкнулся от колонны и побежал по нефу по направлению к папскому алтарю. Каждый гулкий шаг отзывался резкой болью в боку. Но рану эту оставил не нож. Стрела, вспоров Марко бок, глубоко впилась в спинку деревянной скамьи. Она была короткая, толстая, черная. И выпустили ее из арбалета. Укрываясь за колонной, отец Джованни внимательно изучил стрелу. У нее на конце светился красный светодиод, подобный огненному глазу во мраке.

Не зная, как ему быть, Марко просто бежал, низко пригнувшись. Он сознавал, что, скорее всего, умрет, однако тайна, которую он узнал, была гораздо важнее его жизни. Надо только продержаться еще совсем немного, добраться до дальнего выхода, найти одного из швейцарских гвардейцев, несущих дежурство, и передать известие Папе.

Не обращая внимания на боль и ужас, Марко бежал.

Папский алтарь был прямо впереди. Над ним на витых колоннах был установлен бронзовый балдахин работы Бернини. Марко взял чуть левее, стремясь попасть в поперечный неф. Он увидел массивную статую Александра VII и спрятанную под ней дверь.

Эта дверь выходит на piazza Санта-Марта.

Если только...

Тычок в живот лишил Марко последней надежды. Отшатнувшись назад, он опустил взгляд. Этот удар был нанесен не кулаком. Из рубашки торчал короткий стальной стержень с пластмассовым оперением на конце. Боль пришла со следующим вдохом, разливаясь внутрь. Как и первая стрела, эта тоже светилась горящим глазом. Диод располагался на прямоугольном утолщении у основания стрелы.

Марко нетвердой походкой двинулся назад. Зашевелившиеся у двери тени оказались фигурой в пестром мундире швейцарских гвардейцев – несомненно, это была маскировка. Опустив арбалет, убийца вышел из дверной ниши, где укрылся, подкарауливая свою жертву.

Отступив к алтарю, Марко приготовился бежать обратно в глубь нефа. Но затем он заметил еще одного человека, также в мундире швейцарских гвардейцев. Нагнувшись к скамье, второй убийца выдернул засевшую в дерево стрелу.

Нахлынувшая волна ужаса заставила Марко забыть о боли в животе. Он повернул вправо, к другому поперечному нефу, но обнаружил, что и здесь его уже опередили. Из прячущейся в темноте исповедальни вышла третья фигура, также с арбалетом в руках.

Джованни понял, что он в западне.

Собор имел в плане форму креста, три луча которого были перегорожены убийцами. Бежать оставалось только в одну сторону. В апсиду, к вершине креста. Но это был тупик.

И все же Марко как мог поспешил в апсиду.

Впереди возвышался алтарь Святого Петра, массивное позолоченное сооружение, украшенное фигурами святых и ангелов, в котором хранилась кафедра Святого Петра. Над ним – белоснежное овальное окно с изображением Святого Духа в виде голубя.

Но надежды не было и там.

Повернувшись к окну спиной, Марко огляделся вокруг. Слева от него возвышалась гробница Папы Урбана VIII. Мраморный саркофаг украшало изваяние Смерти в виде скелета, возвещающее о неизбежной судьбе всех людей... и, вероятно, предсказывающее конец самого Марко.

– *Lilium et rosa*, – прошептал Марко.

Лилия и роза.

В далеком двенадцатом веке одного ирландского священника по имени Малахия, еще при жизни канонизированного в святые, посетило видение: ему явились все папы, начиная от его эпохи и до скончания мира. Согласно видению, всего пап должно быть сто двенадцать. Каждого из них Малахия описал краткой загадочной фразой. Например, Урбан VIII, родившийся через пятьсот лет после смерти Малахии, был определен словами «лилия и роза». И, как и все остальное пророчество, эта характеристика оказалась верной. Папа Урбан VIII родился во Флоренции, на гербе которой красуется алая лилия.

Но самым страшным было то, что нынешний Папа в списке святого Малахии значился предпоследним. Согласно пророчеству, следующий глава католической церкви увидит конец света.

Прежде Марко не придавал значения подобным фантазиям – но сейчас, когда его пальцы крепко сжимали крошечный кожаный мешочек, он гадал, насколько человечество в действительности близко к Армагеддону.

Марко вздрогнул, услышав шаги. Один из убийц приближался к нему. У него осталось время лишь на одно, последнее действие.

Он не раздумывал ни секунды. Зажав кровоточащую рану, чтобы не оставлять следов, Марко переместился в сторону и спрятал то, что должен был сохранить. Покончив с этим, он вернулся в центр апсиды и, не надеясь на спасение, упал на колени в ожидании смерти. Шаги приблизились к алтарю. Показалась человеческая фигура. Мужчина остановился и взгляделся в темноту.

Это был не убийца.

И этого человека Марко хорошо знал.

Джованни застонал, привлекая внимание новоприбывшего. Тот удивленно застыл, затем поспешил к раненому.

– Марко?

Слишком обессиленный, чтобы подняться на ноги, Марко только смотрел на него, на мгновение поколебавшись между надеждой и подозрением. Но вот мужчина бросился к нему с неподдельной тревогой на лице. Это был бывший наставник Марко, человек, назначивший нынешнюю полуночную встречу.

– Монсиньор Верона... – с трудом выдавил Марко, забывая обо всех подозрениях, чувствуя сердцем, что этот человек его никогда не предаст.

Подняв руку, Марко разжал пустую ладонь. Другая его рука схватилась за оперенный конец стрелы, по-прежнему глубоко воткнутой в живот.

Мигнувший отсвет привлек его внимание вниз. У него на глазах красный огонек светодиода на конце стрелы сменился зеленым.

Нет...

Взрыв швырнул Марко на мраморный пол, оставив след крови, дыма и вывалившихся внутренностей. С зияющей дырой на месте живота, отец Джованни повалился на бок у подножия алтаря. Закатившиеся глаза остановились на возвышающемся позолоченном монументе.

В угасающем сознании всплыло имя.

Petrus Romanus.

Петр из Рима.

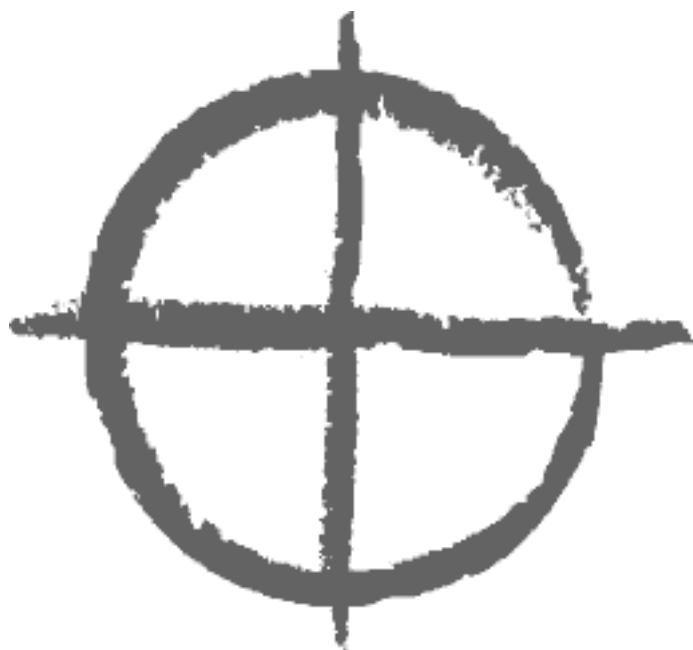
Это имя было последним в пророческом списке святого Малахии – имя человека, который сменит нынешнего главу католической церкви и станет последним Папой на земле.

И поскольку он, Марко, сегодня потерпел неудачу, предотвратить такой исход уже невозможно.

Перед глазами у Марко все померкло. Он потерял слух. У него не осталось сил, чтобы говорить. Лежа на боку, он смотрел через апсиду на гробницу Папы Урбана, на бронзовый скелет, выбирающийся из склепа. На костлявом пальце у скелета висел крошечный мешочек, который отец Джованни так оберегал. Марко представил себе древний символ, выжженный на коже.

В нем была единственная надежда для мира.

С последним вздохом Марко помолился, чтобы этого оказалось достаточно.

Часть первая

Спираль и крест

Вторник, 9 мая. Для немедленной публикации

«ВИАТУС» БЕРЕТ КУРС НА РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ НЕХВАТКИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Осло, Норвегия («Деловые новости»). «Виатус интернэшнл», ведущая на мировом рынке нефтехимическая компания, объявила сегодня о создании нового подразделения, которое будет заниматься биогенетическими исследованиями в области зерновых культур.

«Задача нового подразделения будет заключаться в разработке технологий, которые помогут резко увеличить производительность сельского хозяйства, что позволит удовлетворять растущие мировые потребности в продовольствии и топливе, – сообщил Ивар Карлсен, президент компании “Виатус интернэшнл”. – Создав отделение биогенетических исследований зерновых культур, мы намереваемся бросить на борьбу с этой угрозой все наши силы, организовав нечто вроде сельскохозяйственного эквивалента “Манхэттенского проекта”¹. Ни о какой неудаче речи идти не может – в этом заинтересована как наша компания, так и весь мир».

В последние годы новые методы гибридизации и трансгенных технологий, запатентованные компанией, позволили увеличить урожайность зерновых, кукурузы и риса на тридцать пять процентов. По словам Карлсена, «Виатус» ожидает удвоения этих показателей в ближайшие пять лет.

Карлсен объяснил, чем была вызвана необходимость этого нового подразделения, в своей сегодняшней речи на конференции по проблемам продовольствия, которая проходит сейчас в Буэнос-Айресе. Ссылаясь на данные Всемирной организации здравоохранения, Карлсен напомнил, что около трети населения Земли угрожает голод. «Мы стоим перед лицом глобального продовольственного кризиса, – сказал он. – Большинство тех, кто постоянно недоедает, живет в странах третьего мира. Голодные бунты распространяются по всему земному шару, еще больше накаляя обстановку в регионах, и без того являющихся нестабильными».

Проблема нехватки продовольствия, констатировал Карлсен, в новом тысячелетии выходит на первое место, опережая проблемы нехватки энергетических ресурсов и питьевой воды. «Настоятельно необходимо, как с точки зрения заботы о глобальной безопасности, так и из чисто гуманитарных соображений, значительно увеличить производство продуктов питания за счет новых биотехнологий».

Ведущая роль в сельскохозяйственных нововведениях: компания «Виатус интернэшнл», входящая в список ста крупнейших компаний журнала «Форчун», имеет свою штаб-квартиру в Осло. Основанная в 1802 году, компания поставляет свою продукцию в сто восемьдесят стран мира, повышая продолжительность и качество жизни путем исследований и инноваций. Ее акции продаются на Нью-Йоркской фондовой бирже под символом «ВИ». Название «Виатус» образовано из двух латинских слов: «*via*» – путь и «*vita*» – жизнь.

¹ «Манхэттенский проект» – кодовое название правительственной научно-промышленной программы создания атомной бомбы, принятая в США в 1942 году. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Глава 1

9 октября, 4 часа 55 минут

Мали, Западная Африка

Джейсона Гормена разбудила стрельба. Он спал как убитый, и ему потребовалось какое-то мгновение, чтобы вспомнить, где он находится. Ему снилось, что он в гостях в загородном доме своего отца в отдаленной части штата Нью-Йорк, купается в озере. Но противомоскитная сетка, которой, словно коконом, была укутана его койка, и предрассветный холод пустыни быстро вернули его к действительности.

Это, а также крики.

С бешено колотящимся сердцем Джейсон отшвырнул ногами тонкое одеяло и отдернул сеть. Внутри палатки Красного Креста царил крошечная темнота, но сквозь брезент просвечивали дрожащие багровые отблески, говорящие о том, что в восточной части лагеря беженцев начался пожар. Где-то рядом вспыхнуло еще что-то, и языки пламени заплясали за всеми четырьмя стенками палатки.

«О господи...»

Несмотря на панику, Джейсон сразу же понял, что произошло. Его подробно проинструктировали перед отъездом в Африку. На протяжении всего прошлого года повстанческие силы туарегов нападали на лагеря беженцев, охотясь в первую очередь за продовольствием. В столице Республики Мали не прекращались беспорядки, и цена на рис и маис взлетела в три раза. В северных районах продовольствие стало новым золотом. Трех миллионам человек угрожал голод.

Вот почему Джейсон приехал сюда.

Его отец спонсировал обустройство экспериментальной фермы, которая раскинулась на территории в шестьдесят акров к северу от лагеря. Основное финансирование осуществляла корпорация «Виатус», за работами наблюдали биологи и генетики из Корнеллского университета. Здесь проводились испытания новых генетически модифицированных сортов кукурузы, выведенных специально для этих выжженных солнцем, засушливых мест. Урожай с первого поля был собран не далее как на прошлой неделе; кукуруза выросла лишь на трети воды, которая понадобилась бы для орошения в обычных условиях. Судя по всему, кому-то это совсем не нравилось.

Джейсон босиком выскочил из палатки. Он по-прежнему был в шортах и свободной рубашке, в которых и упал в кровать вчера вечером. В предрассветном полумраке единственным источником света было пламя пожаров.

Вероятно, генераторы вышли из строя.

Во мраке гулками отголосками разносились автоматные очереди и крики. Повсюду метались неясные тени: объятые ужасом беженцы пытались спастись бегством. Однако движение это было хаотическим; людской поток устремлялся то в одну сторону, то в другую. Винтовочные выстрелы и частый треск пулеметов доносились отовсюду, и никто не знал, куда бежать.

Один только Джейсон знал, куда ему нужно.

Криста до сих пор находилась в научно-исследовательском центре. Три месяца назад Джейсон познакомился с ней в Штатах, во время инструктажа. Делить с ним его кокон из противомоскитной сетки она начала лишь в прошлом месяце. Однако вчера вечером Криста осталась в центре. Она собиралась работать всю ночь, заканчивая анализ ДНК кукурузы первого урожая.

Необходимо ее найти.

Проталкиваясь навстречу людскому потоку, Джейсон поспешил к северной оконечности лагеря. Как он и опасался, стрельба и пожары там были самыми сильными. Вероятно,

повстанцы решили захватить собранный урожай. До тех пор пока никто не будет им мешать, все останутся живы. Пусть грабители забирают кукурузу. Как только добыча окажется у них в руках, они скроются в ночи так же стремительно, как и появились. Весь урожай кукурузы все равно должны были уничтожить. До проведения всесторонних анализов использовать ее в пищу было нельзя.

Завернув за угол, Джейсон упал, споткнувшись о первого встреченного убитого, подростка лет пятнадцати, распростертого в проходе между убогими лачугами, которые здесь считались домами. Мальчишка погиб от пули, а затем его затоптали. Джейсон отполз в сторону, потом поднялся на ноги и побежал прочь.

Еще через сотню отчаянных ярдов он добрался до северного края лагеря. Здесь трупы уже валялись повсюду, нагроможденные друг на друга, – мужчины, женщины, дети. Тут произошла настоящая бойня. Некоторые тела были буквально разорваны пополам пулеметными очередями. За полем смерти стояли сборные металлические ангара научно-исследовательского центра, подобные черным кораблям, застрявшим в западноафриканской саванне. Там не было ни огонька – лишь пламя пожаров.

«Криста...»

Джейсон застыл на месте. Он хотел идти дальше и проклинал собственную трусость. Но ноги не слушались его. На глаза навернулись слезы отчаяния.

Внезапно позади послышался размеренный гул. Обернувшись, Джейсон увидел пару вертолетов, пролетающих прямо над осажденным лагерем, у самой земли. Несомненно, это вертолеты правительственных войск с расположенной неподалеку базы. Корпорация «Виатус» разбрасывала американские доллары мешками, стремясь обеспечить дополнительную безопасность экспериментальной фермы.

У Джейсона из груди вырвался судорожный вздох. Вертолеты без труда прогонят повстанцев. Проникнувшись новой уверенностью, он побежал через поле, все же низко пригибаясь. Он направлялся к ближайшему ангару, до которого было меньше ста ярдов. Там его укроет густая тень, а лаборатория Кристи находится в следующем ангаре. Джейсон молил Бога, чтобы девушка спряталась там.

Когда Джейсон добежал до задней стены ангара, у него за спиной вспыхнул яркий свет. Ослепительный луч прожектора, вырвавшийся из головного вертолета, прошелся по лагерю беженцев. Джейсон хрипло вздохнул.

Это напугает повстанцев, заставит их уйти.

Затем с обеих сторон вертолета застрочили пулеметы, обрушив на лагерь свинцовый дождь. У Джейсона застыла кровь в жилах. Это был не хирургический удар по вторгнувшимся силам повстанцев. Это было полномасштабное уничтожение.

Второй вертолет зашел с другой стороны, описывая круг над дальней частью лагеря. Из заднего люка вывалились бочки, которые взорвались при ударе о землю, выбросив в небо языки пламени. Крики стали еще громче. Джейсон увидел, как один мужчина убегает в пустыню, полностью голый, с горячей кожей на спине. Град зажигательных бомб приближался к тому месту, где находился Джейсон.

Развернувшись, он бросился вокруг ангара.

Впереди находились поля и элеваторы, но там спасения не будет. Со стороны ровных рядов кукурузы приближались черные фигуры. Джейсон решил рискнуть и пересечь открытое пространство, чтобы добраться до лаборатории Кристи. Окна ангара были темными, а единственная дверь выходила на поле.

Джейсон медлил, собираясь с духом. Один последний рывок – и он окажется внутри ангара. Но прежде чем он успел сделать хоть шаг, новые струи пламени озарили дальнюю часть поля. Цепочка людей с огнеметами шла вдоль рядов кукурузы, сжигая еще не собранный урожай.

«Черт побери, что здесь происходит?»

Вдалеке справа одинокая башня элеватора взорвалась огненным смерчем, взметнувшись высоко в небо. Опомнившись от шока, Джейсон бросился к распахнутой двери ангара и нырнул внутрь.

В отсветах пожаров помещение выглядело нетронутым, даже опрятным. Дальняя половина ангара была заставлена всевозможным научным оборудованием, которое использовалось для проведения генетических и биологических исследований: микроскопами, центрифугами, инкубаторами, термостатами, устройствами гель-электрофореза. Справа стояли столы с переносными компьютерами, оборудованием спутниковой связи, аккумуляторами бесперебойного питания.

Экран одного компьютера, работающего на аккумуляторах, светился заставкой. Он стоял на столе Кристи, но самой девушки видно не было.

Подбежав к столу, Джейсон провел большим пальцем по клавиатуре. Заставка исчезла, сменившись открытым окном электронной почты. И снова это была почта Кристи.

Джейсон лихорадочно огляделся вокруг.

Судя по всему, Криста бежала, но куда?

Джейсон быстро вошел в свой ящик электронной почты и набрал служебный адрес отца на Капитолийском холме. Пытаясь отдышаться, он торопливо отстучал несколько кратких предложений, описывающих нападение. Если ему не удастся спастись, пусть о случившемся станет известно. Джейсон уже собирался нажать клавишу «отправить», но тут его осенила одна мысль. На рабочий стол были выложены какие-то файлы Кристи. Джейсон присоединил их к своему сообщению и только после этого отправил его. Наверняка это было что-то важное для Кристи.

Электронное сообщение ушло к адресату не сразу. Присоединенные файлы были огромными; для их перекачки потребуется не меньше минуты. Но Джейсон не мог больше ждать. Оставалось надеяться, что энергии аккумулятора хватит, чтобы полностью передать сообщение.

Боясь задерживаться здесь, Джейсон развернулся к двери. Ему все равно не узнать, куда пропала Криста. Хотелось надеяться, девушке удалось скрыться в пустыне. И туда сейчас поспешит он сам. Там целый лабиринт оврагов и русел пересохших рек. Если понадобится, можно будет укрываться там несколько дней.

Джейсон бросился к двери, и тут проем загородил черный силуэт. Ахнув, Джейсон попятился назад. Фигура шагнула в ангар и удивленно прошептала:

– Джейс, это ты?

Джейсона захлестнула волна облегчения.

– Криста...

Он бросился к ней, широко раскрывая объятия. Они спасутся вместе.

– О, Джейсон, слава богу!

Его радость была сравнима с той, которую испытывала Криста, – до тех пор, пока она не подняла пистолет и трижды не выстрелила ему в грудь. Пули тяжелыми кулаками сбили Джейсона с ног, отбросив на пол. Затем накатила обжигающая боль, сделавшая ночь еще темнее. Где-то вдалеке продолжали звучать выстрелы, взрывы, новые крики.

Криста склонилась над ним.

– Твоя палатка была пуста. Мы решили, тебе удалось бежать.

Джейсон закашлялся, не в силах ничего ответить, потому что рот его заполнился кровью.

Судя по всему, удовлетворенная его молчанием, Криста развернулась и направилась назад, в кошмар пламени и смерти. На мгновение она задержалась в дверях, вырисовываясь черным силуэтом на фоне пылающих полей, затем исчезла в ночи.

Джейсон тщетно пытался что-либо понять.

«Почему?»

Его завлакивал мрак. Он понял, что так и не узнает ответ на этот вопрос, и все же перед смертью успел кое-что услышать. Компьютер на соседнем столе пискнул. Сообщение было отправлено.

Глава 2

10 октября, 7 часов 04 минуты

Лесной парк Принца Уильяма

Штат Виргиния

Ему нужно было прибавить скорость.

Низко пригнувшись к рулю мотоцикла, командер Грейсон Пирс заложил крутой вираж. Наклонив свое шестифутовое тело к центру поворота, он едва не ободрал колено о землю, буквально укладывая мотоцикл горизонтально.

Двигатель взревел, откликаясь на открытую до конца дроссельную заслонку. Мотоцикл выпрямился, устремляясь вперед. Цель мчалась на удалении пятидесяти ярдов, на обтекаемой «хонде». Грей преследовал ее на старой «ямахе». Оба мотоцикла были оснащены четырехцилиндровыми двигателями, но машина Грея была более тяжелой и громоздкой. Для того чтобы догнать «хонду», ему придется показать все свое мастерство.

И возможно, понадобится еще немного везения.

Оба мотоцикла выехали на короткую прямую дорогу, рассекающую лесной массив. По обеим сторонам от нее тянулись густые заросли широколиственных деревьев. Сочетание высоких буков и ясеней создавало впечатляющее зрелище, особенно сейчас, в октябре, когда листва меняла цвет. К сожалению, накануне вечером разразилась сильная гроза, и ветер сорвал листву, покрыв асфальт пятнами скользкой мокрой грязи.

Грей снова дал полный газ. Ускорение буквально толкнуло его в спину. Чуть дернувшись из стороны в сторону, мотоцикл ракетой устремился по прямой. Прерывистая дорожная разметка слилась в сплошную линию.

Но другой мотоциклист также воспользовался тем преимуществом, которое открывал прямой участок. Пока что большая часть шоссе номер 619 представляла собой головокружительные «американские горки» внезапных поворотов, крутых подъемов и смертельных спусков. Продолжающаяся уже час гонка проходила очень жестко, но Грей и не думал о том, чтобы отстать от второго гонщика.

Цель сбросила скорость, входя в следующий поворот, и расстояние между мотоциклами сократилось. Грей же не стал притормаживать. Быть может, это было опрометчиво, но он знал возможности своей «ямахи». С тех пор как мотоцикл оказался у него, он постоянно обращался к инженерам УППОНИР, Управления перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ, и те вносили в конструкцию все новые усовершенствования.

Они были перед Греем в долгу.

Отряд «Сигма», в котором он служил, представлял собой силовое подразделение УППОНИР. Этот отряд состоял из бывших бойцов войск специального назначения, которые помимо опыта оперативной работы также обладали серьезными познаниями в той или иной области науки.

Одним из усовершенствований мотоцикла был дисплей, встроенный в шлем. На стекле забрала слева высвечивались показания приборов: скорость, частота оборотов, температура масла. В правой части выводилась навигационная карта, а также предложения по оптимальным передаче и скорости, соответствующим данным дорожным условиям.

Краем глаза Грей отметил, что стрелка тахометра зашла в красную зону. Справа тревожно замигала навигационная матрица – он входил в поворот слишком быстро.

Не обращая внимания на эти предупреждения, Грей продолжал выкручивать ручку газа.

Расстояние между двумя мотоциклами сократилось еще больше.

Теперь, когда они оба вошли в поворот, их отделяло друг от друга не больше тридцати ярдов.

Первый гонщик накренил мотоцикл, с ревом выписывая поворот. Через какое-то мгновение следом за ним этот маневр повторил Грей. Стремясь выиграть еще пару ярдов за счет того, чтобы пройти как можно ближе к краю «слепого» поворота, он пересек сплошную линию центральной разметки, выскакивая на встречную полосу. К счастью, в этот ранний час машин на дороге не было.

К сожалению, этого нельзя было сказать про диких зверей.

Как раз за самым поворотом на обочине сидела медведица, а рядом с ней пристроился медвежонок. Оба засунули свои носы в пакет из «Макдоналдса». Первый мотоцикл промчался мимо. Шум и быстро мелькнувшая тень напугали зверей: медведица поднялась на задних лапах, а детеныш, подчиняясь инстинкту, побежал – прямо на дорогу.

У Грея уже не было возможности его объехать. Не имея выбора, он резко нажал на тормоз, пуская мотоцикл юзом. Покрышки заскользили по асфальту, оставляя черные дымящиеся следы. Добравшись до мягкого суглинка на противоположной обочине, Грей отпустил мотоцикл и оттолкнулся от него ногами. Момент инерции протащил его на спине по мокрой палой листве добрых двадцать футов. У него за спиной мотоцикл с громким стуком налетел на дуб.

Наконец остановившись в мокрой канаве, Грей обернулся. Он успел увидеть спину медведицы, убегающей в лес. Следом за ней улепетывал медвежонок. Похоже, на сегодня гамбургеров с них было достаточно.

Послышался новый звук.

Рев мотоцикла, приближающегося на полной скорости.

Грей уселся на земле. Первый гонщик, проехав дальше по дороге, развернулся и теперь направлялся назад.

«О, просто замечательно...»

Расстегнув ремешок, Грей стащил с головы шлем.

Второй мотоцикл подкатил к нему и резко затормозил, приподнимаясь на переднем колесе. Гонщик был невысокого роста, но плотный и мускулистый, словно бультерьер. Как только его мотоцикл остановился, он тоже снял шлем, открывая наголо выбритую голову. Нахмурившись, гонщик посмотрел на Грея.

– Ты цел?

Этим гонщиком был Монк Коккалис, также оперативник из «Сигмы» и лучший друг Грея. На каменных чертах его лица были написаны беспокойство и тревога.

– Все в порядке. Никак не ожидал, что встречу на дороге медведя.

– Кто мог такое предположить? – Широко улыбаясь, Монк откинул сапогом подножку и слез с мотоцикла. – Но ты даже не надейся на то, что это позволит тебе уклониться от нашего пари. Про естественные препятствия в условиях ничего не говорилось. Так что после окончания конференции ты угощаешь меня ужином. Ресторан у озера, бифштекс и самый темный портер, какой там только найдется.

– Ладно. Но я хочу взять реванш. Ты воспользовался нечестным преимуществом.

– Преимуществом? Я? – Сняв с одной руки перчатку, Монк показал искусственную кисть. – У меня нет руки. А также значительной части памяти. Я уже целый год числюсь негодным к службе. Тоже мне, преимущество!

И все же, не переставая улыбаться, Монк протянул протез, созданный инженерами УППОНИР. Грей схватил искусственную руку, чувствуя, как крепко стискивают его холодные пластмассовые пальцы. Те самые пальцы, которые могли без труда раскалывать грецкие орехи.

Монк рывком поднял друга на ноги.

Грей принялся стряхивать с кевларового мотоциклетного костюма мокрые листья, и тут у него в нагрудном кармане зазвонил сотовый телефон. Достав аппарат, Грей взглянул на номер звонящего и нахмурился.

– Это из центра, – сказал он Монку, поднося телефон к уху. – Коммандер Пирс слушает.

– Пирс? Наконец-то ты ответил. Я уже четырежды звонил тебе за последний час. И можно поинтересоваться, что ты делаешь в лесу посреди Виргинии?

Это был Пейнтер Кроу, директор «Сигмы» и начальник Грея.

Пытаясь придумать подходящее объяснение, Грей оглянулся на свой мотоцикл. Несомненно, его местонахождение выдал GPS-навигатор², которым была оснащена «ямаха». Грей тщетно старался что-либо придумать; у него не было никаких оправданий. Их с Монком отправили из Вашингтона в учебный центр ФБР в Квантико, чтобы они приняли участие в симпозиуме по проблемам биотерроризма. Сегодня был второй день работы симпозиума, и Грей с Монком решили прогулять утреннее заседание.

– Так, дай-ка я сам догадаюсь, – продолжал Пейнтер. – Вы решили немного покататься.

– Сэр...

Строгость в голосе директора немного смягчилась.

– Ну как, Монку полегчало?

Как всегда, Пейнтер все понял. Директор обладал поразительной способностью вникать в любую ситуацию. Даже в такую.

Грей оглянулся на друга. Монк стоял, скрестив руки на груди, и на лице у него была тревога. Этот год выдался для Коккалиса очень тяжелым. Враг жестоко издевался над ним в своем научно-исследовательском центре, удалив участок головного мозга и уничтожив память. Хотя воспоминания частично возвратились, оставались пробелы, и Грей знал, как это терзает его друга.

На протяжении последних двух месяцев Монк медленно привыкал к своим обязанностям в «Сигме», хотя они и были пока что очень ограниченными. В основном ему поручали работать с бумагами, а также посылали на второстепенные задания здесь, в Штатах. Монк занимался только сбором информации и ее анализом, часто действуя в паре со своей женой, капитаном Кэт Брайент, сотрудником центрального управления «Сигмы», в прошлом служившей в военно-морской разведке.

Грей знал, что Монк изо всех сил хочет чего-нибудь более серьезного, мечтая вернуться к той жизни, которая была у него украдена. Окружающие обращались с ним как с хрупким фарфором, и все эти сочувственные взгляды и произнесенные шепотом слова одобрения начинали выводить его из себя.

Вот почему Грей предложил устроить гонку по пересеченной местности по парку, граничащему с центром подготовки морской пехоты Квантико. Это должно было дать возможность выпустить пар, почувствовать ветер в лицо, насладиться риском.

Прикрыв телефон ладонью, Грей шепотом сообщил Монку:

– Пейнтер в ярости.

Лицо друга растянулось в широкой улыбке.

Грей снова поднес телефон к уху.

– Я все слышал, – сказал его начальник. – И если вы уже навеселились, мне нужно, чтобы вы сегодня же вернулись в штаб-квартиру. Оба.

– Слушаюсь, сэр. Но можно узнать, в чем дело?

Пауза растянулась надолго, словно директор взвешивал, что сказать. Наконец Пейнтер заговорил, тщательно подбирая слова:

– Это связано с предыдущим владельцем твоего мотоцикла.

Грей оглянулся на разбитую «ямаху». С предыдущим владельцем? У него в памяти всплыла та ночь два года назад, в ушах зазвучал рев мотоцикла, несущегося по пустынной улице в пригороде, со смертельно опасной женщиной-убийцей за рулем.

² GPS – Global Positioning System, глобальная система позиционирования, позволяющая с помощью спутников точно определить местонахождение объекта на земле, на море, в воздухе и даже в космосе.

Грей сглотнул подступивший к горлу комок, обретая дар речи.

– При чем тут она?

– Я тебе все расскажу, когда приедешь.

13 часов 00 минут

Вашингтон

Через несколько часов Грей, приняв душ и переодевшись в джинсы и футболку, сидел в зале спутникового наблюдения центрального управления «Сигмы». Вместе с ним здесь также находились Пейнтер и Монк. На экране светилась оцифрованная карта, на которой изгибалась красная ломаная линия, ведущая от Таиланда до Италии.

Путь убийцы обрывался в Венеции.

«Сигма» следила за этой женщиной уже больше года. Ее местонахождение обозначал маленький красный треугольник на компьютерном мониторе, светящийся на полученном со спутника плане Венеции. Здания, извилистые улицы и петляющие каналы изображались в черно-белом виде в мельчайших подробностях, вплоть до крохотных гондол, застывших на месте, схваченных в определенный момент времени. Это время высвечивалось в углу монитора, вместе с приблизительными географическими координатами убийцы:

9 ОКТ. 10:52:45 ПО ГРИНВИЧУ

41° 52' 56,97" С. Ш.

12° 29' 5,19" В. Д.

– И давно она в Венеции? – спросил Грей.

– Больше месяца.

Пейнтер устало провел рукой по волосам и с грустью покачал головой. Было видно, что он устал. Этот год выдался для директора «Сигмы» тяжелым. Его лицо стало бледным от постоянного нахождения в помещении, во всевозможных кабинетах и на совещаниях, и кровь индейцев пеко проявлялась только в гранитных линиях скул и седой пряди, рассекающей черные как смоль волосы подобно белоснежному перу.

Грей изучил план.

– Известно, где она остановилась?

Пейнтер покачал головой.

– Где-то в районе Санта-Кроче. Это один из самых старых кварталов Венеции, туристы его не особенно жалуют. Лабиринт мостов, переулков и каналов. Затеряться там проще простого.

Монк сидел отдельно, настраивая электрические разъемы на протезе.

– Так почему Сейхан на всей земле выбрала именно этот город, чтобы залечь на дно?

Грей взглянул в угол монитора. Там была выведена фотография убийцы, женщины лет тридцати. В чертах ее лица присутствовала смесь вьетнамской и европейской, возможно французской, крови: бронзовая кожа, чуть раскосые глаза, полные губы. Когда Грей три года назад впервые встретился с Сейхан, она едва его не убила, выстрелив в упор в грудь. Даже сейчас он представлял ее в том же самом обтягивающем черном костюме с закрытым горлом, вспоминая, как одежда подчеркивала линии ее гибкого тела.

Грей вспомнил и последнюю их встречу. Получившая серьезное ранение, Сейхан была взята в плен и содержалась в военном госпитале, где ей сделали операцию на брюшной полости. Тогда Грей помог ей бежать, оплатив за то, что она спасла ему жизнь, – однако свобода далась Сейхан дорогой ценой.

Во время операции по указанию руководства «Сигмы» молодой женщине тайно вживили в брюшную полость пассивный полимерный маячок. Это явилось необходимым условием ее освобождения, дополнительной гарантией того, что можно будет следить за всеми ее передвижениями. Сейхан представляла слишком большую ценность, чтобы просто ее отпустить, – настолько тесно она была связана с тайной террористической сетью, известной под названием «Гильдия». Никто ничего не знал об истинных заправилках этой организации – известно было только то, что она глубоко законспирирована и распустила корни и щупальца по всему земному шару.

Сейхан утверждала, что она двойной агент, которому поручено проникнуть в святая святых «Гильдии» и выяснить, кто в действительности ее возглавляет. Однако единственным доказательством этого заявления было ее слово. Грей сделал вид, что помог ей бежать, в то же время умолчав о вживленном маячке. Это устройство давало разведке Соединенных Штатов возможность узнать больше о деятельности «Гильдии».

Однако Грей подозревал, что решение Сейхан спрятаться в Венеции не имело никакого отношения к «Гильдии». Он почувствовал на себе взгляд Пейнтера Кроу, словно директор ждал от него ответа. Лицо начальника оставалось непроницаемым, бесстрастным, но блеск холодных как лед голубых глаз говорил о том, что это испытание.

– Сейхан вернулась на место преступления, – сказал Грей, усаживаясь прямее.

– Что? – недоуменно спросил Монк.

Грей кивнул на дисплей с планом Венеции.

– В Санта-Кроче также находятся самые древние здания Венецианского университета. Два года назад Сейхан убила в Венеции хранителя музея, связанного с этим университетом. Убила хладнокровно, безжалостно. Сама она сказала, что сделала это якобы для того, чтобы защитить семью хранителя. Его жену и дочь.

Пейнтер подтвердил его догадку.

– Мать с ребенком действительно живут в этом районе. Мы отправили на место наших людей, чтобы определить точное местонахождение Сейхан. Но маячок является пассивным. Максимальное разрешение составляет две мили. На всякий случай мы установили наблюдение за семьей куратора. Сейхан понимает, что ее ищут многие, и старается по возможности не привлекать к себе внимание. Не исключено, что она изменила внешность.

Грей вспомнил, как исказилось, словно от боли, лицо Сейхан, когда она пыталась оправдать хладнокровное убийство хранителя музея. Быть может, назад в Венецию ее привела не «Гильдия», а чувство вины. Но каковы ее планы? И что, если он ошибается? Что, если все это лишь мастерская уловка?

Грей снова уставился на экран.

Тут что-то было не так.

– Почему вы показываете мне все это сейчас? – спросил Грей.

«Сигма» следила за Сейхан уже больше года, так чем же объясняется этот внезапный вызов в центр?

– Из АНБ³ пришло указание новому главе центрального управления, а тот уже связался с нами. Поскольку за прошедший год пребывание Сейхан на свободе не дало никакой суще-

³ Агентство национальной безопасности (АНБ) – ведомство в составе Министерства обороны США, занимается защитой правительственной и военной связи и компьютерных систем, а также электронным наблюдением.

ственной информации о деятельности «Гильдии», большие шишки потеряли терпение и приказали немедленно осуществить захват. Сейхан переправят в тайный лагерь ЦРУ в Боснии.

– Но это же полное безумие! Сейхан ни за что не заговорит. Наша единственная надежда узнать что-либо определенное о «Гильдии» заключается в том, чтобы продолжать наблюдение.

– Согласен. К несчастью, мы с тобой единственные, кто разделяет эту точку зрения. Если бы управление по-прежнему возглавлял Шон...

Недоконченная фраза Пейнтера была проникнута болью. Доктор Шон Макнайт, создатель «Сигмы», впоследствии возглавил УППОНИР. В прошлом году он был убит во время нападения на штаб «Сигмы». Новый глава УППОНИР, генерал Грегори Меткалф, не успевший освоиться на новом месте, все еще вынужден был разбираться с политическими последствиями того нападения. У них с Пейнтером происходили постоянные стычки. Грей подозревал, что только личная поддержка президента защищала Пейнтера Кроу от увольнения с должности директора «Сигмы». Однако даже здесь были свои пределы.

– Меткалф не желает ссориться с другими разведывательными ведомствами и в данном вопросе полностью поддерживает АНБ.

– Значит, Сейхан возьмут.

Пейнтер пожал плечами.

– Если смогут. Но ЦРУ даже не представляет, с кем имеет дело.

– У меня сейчас нет ничего срочного. Я мог бы отправиться в Венецию. Предложить свою помощь.

– Помощь в чем? В том, чтобы задержать Сейхан или чтобы дать ей скрыться?

Грей молчал, пытаясь разобраться в противоречивых чувствах. Наконец он решительно заявил, глядя Пейнтеру прямо в глаза:

– Я выполню то, что мне прикажут.

Директор покачал головой.

– Если Сейхан тебя увидит или хотя бы заподозрит, что ты в Венеции, она сразу же поймет, что за ней следили. И мы лишимся единственного преимущества.

Грей нахмурился, понимая, что Пейнтер прав.

Зазвонил телефон, и директор снял трубку. Грей был рад небольшой передышке, позволявшей ему собраться с мыслями.

– В чем дело, Брэнт? – спросил Пейнтер. Он выслушал ответ помощника, и складка у него на лбу стала глубже. – Переключи звонок сюда.

Затем Пейнтер протянул трубку Грею.

– Это лейтенант Рейчел Верона, звонит из Рима.

Не в силах скрыть изумление, Грей взял трубку и поднес ее к уху. Он отвернулся от двух других мужчин.

– Рейчел?

Грей тотчас же услышал в ее голосе слезы. Молодая женщина не всхлипывала, но ее обыкновенно бодрая, быстрая речь рассыпалась на куски, на отдельные слова.

– Грей... мне нужна твоя помощь.

– Все, что угодно. В чем дело?

У них не было возможности пообщаться уже несколько месяцев. На протяжении целого года Грей и эта девушка с волосами цвета воронова крыла были вместе, даже планировали свадьбу, но в конце концов у них ничего не получилось, и они расстались по обоюдному согласию. Рейчел и слышать не хотела о том, чтобы оставить службу в итальянских карабинерах. Точно так же у Грея были слишком глубокие профессиональные и личные корни в Штатах. Расстояние оказалось чересчур большим.

– Мой дядя Вигор, – продолжала Рейчел. Слова полились стремительным потоком, словно она спешила успеть до того, как зальется слезами. – Вчера ночью... В соборе Святого Петра был взрыв. Дядя в коме.

– Господи, что произошло?

Рейчел торопливо продолжала:

– Еще один священник был убит, из бывших дядиных учеников. Во взрыве подозревают террористов. Но я не... меня не хотят... я не знаю, к кому еще обратиться.

– Все в порядке. Я могу вылететь в Рим ближайшим рейсом.

Грей оглянулся на Пейнтера. Начальник кивнул, не требуя никаких объяснений.

Монсиньор Вигор Верона в прошлом уже дважды помогал «Сигме». Его знание археологии и древней истории сыграло решающую роль в достижении успеха, как и тесные связи с верхушкой католической церкви. «Сигма» была перед монсиньором Вероной в неоплатном долгу.

– Спасибо, Грей. – Рейчел немного успокоилась. – Я перешлю файл с данными расследования. Но кое-какие подробности не вошли в отчет. Я тебе все расскажу, когда ты приедешь.

Слушая ее, Грей не отрывал взгляда от компьютерного монитора, от красного треугольника, мигающего на плане Венеции. Из угла экрана на него смотрела фотография Сейхан, выражение лица молодой женщины было холодным и злым. В прошлом пути убийцы с Рейчел и ее дядей тоже пересекались.

И вот теперь Сейхан снова в Италии.

Грей ощутил нарастающую тревогу.

Тут что-то было не так. Грей почувствовал, что там, в Италии, сгущаются грозовые тучи, но он не мог определить, в какую сторону дует ветер.

– Я прибуду в Рим, как только смогу, – заверил Грей Рейчел.

Глава 3

*10 октября,
19 часов 28 минут
Рим, Италия*

Выйдя из больницы в вечерние сумерки, сгустившиеся над центральной частью Рима, лейтенант Рейчел Верона вдохнула полной грудью прохладный осенний воздух, чувствуя, как тревога несколько рассеивается. Едкий запах дезинфицирующих средств едва скрывал запах тел, неподвижно лежащих в кроватях. В больницах всегда пахнет ужасно.

Впервые за несколько лет Рейчел захотелось покурить – может быть, это помогло бы избавиться от чувства беспокойства, нараставшего с каждым часом, который проводил в коме ее дядя. Он был подсоединен к капельницам; провода, ведущие к приборам, следили за жизненными функциями, устройство искусственного дыхания поднимало и опускало грудь. Вигор разом постарел на десять лет; лицо его было покрыто синяками и ссадинами, выбритая наголо голова белела бинтами. Врачи объяснили: подкожное кровоизлияние вместе с незначительным повреждением костей черепа. Они внимательно наблюдали за внутричерепным давлением раненого. Магнитно-резонансная томография не выявила травмы головного мозга, однако Вигор не приходил в сознание, что беспокоило врачей. Согласно полицейскому и медицинскому отчетам, монсиньор Верона поступил в больницу в полубессознательном состоянии. Перед тем как провалиться в кому, он несколько раз лихорадочно повторил одно-единственное слово.

Morte.

Смерть.

Но что это могло значить? Стало ли Вигору известно о судьбе другого священника? Или же это был просто бред?

Спросить его самого было невозможно. Он не реагировал на окружающую действительность.

Беспокойство не покидало Рейчел. Большую часть дня она просидела рядом с дядей, держа его за руку, время от времени пожимая ее, молясь о том, чтобы наступили хоть какие-то признаки улучшения. Однако пальцы Вигора оставались обмякшими, словно жизненные силы покинули его тело, оставив лишь оболочку.

Больше всего Рейчел мучилась сознанием того, что она не в силах помочь дяде. Вигор, по сути дела, в одиночку воспитал ее, и, кроме него, у нее больше никого не было. Поэтому Рейчел просидела с ним весь день, лишь однажды оторвавшись от бдения, чтобы позвонить в Соединенные Штаты.

Грей будет здесь завтра утром.

Это стало единственной хорошей новостью за последние двадцать четыре часа. Хотя Рейчел и не могла помочь дяде выздороветь, она была полна решимости во что бы то ни стало установить, что в действительности стояло за этим нападением.

В настоящий момент расследование обстоятельств взрыва в соборе Святого Петра превратилось в межведомственное столпотворение с участием всех соответствующих структур – от итальянских разведслужб до Интерпола. Все сходились во мнении, что это террористический акт. Такое заключение основывалось в первую очередь на том обстоятельстве, что тело погибшего священника было изуродовано уже после смерти. У него на лбу выжгли странное клеймо.

Определенно этим знаком хотели что-то сказать. Но что именно и кто его оставил? Пока что ни одна из террористических группировок не взяла на себя ответственность за взрыв.

Рейчел понимала, что скорейший способ установить истину заключался в том, чтобы провести собственное расследование, хирургически точное, более тонко сфокусированное, чем нынешний хаос, порожденный многочисленными ведомствами.

Поэтому она позвонила Грею. Хотя в личном плане этот призыв о помощи дался ей нелегко, Рейчел понимала, что если она хочет докопаться до правды, ей не обойтись без глобальных ресурсов «Сигмы». Также она понимала, что в одиночку это окажется ей не по силам. Ей нужен был человек, которому она полностью доверяла. Грей.

«Но что, если звонок ему объяснялся не только профессиональным интересом?»

Прогнав эту мысль, Рейчел пересекла стоянку перед больницей. Дойдя до своего маленького «мини-купера», молодая женщина села за руль и выехала на римские улицы. Сложенную крышу она не поднимала, и свежий ветерок успел немного прочистить голову, до тех пор пока впереди не появился туристический автобус, изрыгающий клубы выхлопного дыма.

Свернув с магистрали, Рейчел попетляла по узким улочкам, вдоль которых тянулись сплошные ряды магазинчиков, кафе и ресторанов. Она намеревалась направиться напрямик к себе домой, чтобы собраться с мыслями перед завтрашним днем, но вместо этого как-то незаметно для себя оказалась на набережной Тибра. После нескольких поворотов на противоположном берегу показался сверкающий купол собора Святого Петра.

Поддавшись течению транспортного потока, Рейчел направилась к своей цели. После взрыва весь Ватикан был закрыт для посетителей. Даже самому Папе из соображений безопасности пришлось перебраться в летнюю резиденцию в Кастель-Гандольфо. Однако это не оставило поток туристов и зевак. Более того, охваченные любопытством толпы только увеличились.

Поскольку окрестные улицы были битком забиты, Рейчел пришлось потратить лишние полчаса, чтобы найти место для парковки. Когда она наконец добралась до полицейского оцепления, окружившего знаменитую площадь, уже полностью стемнело. Как правило, площадь Святого Петра заполнена верующими и туристами, однако сейчас она была практически совершенно пустынной. Лишь несколько полицейских в форме расхаживали между колоннами и на открытом пространстве. Один стоял у подножия египетского обелиска, возвышавшегося посреди площади. У всех за плечами были автоматические винтовки.

Подойдя к оцеплению, Рейчел показала свои документы.

Полицейский нахмурился. Средних лет, с солидным брюшком, он стоял, чуть расставив кривые ноги. Городская полиция и карабинеры были не в лучших отношениях друг с другом.

– Зачем вам сюда понадобилось? – резко спросил полицейский. – Какое отношение к этому теракту имеет Агентство по охране культурного наследия?

Вопрос был справедливый. Ведомство, в котором работала Рейчел, занималось хищениями произведений искусства и черным рынком антиквариата. Оно не имело никакого отношения к внутреннему терроризму. У Рейчел не было официальных оснований находиться здесь. Больше того, поскольку она приходилась близким родственником одному из пострадавших, ее особо предупредили держаться от собора Святого Петра подальше.

Но она хотела лично осмотреть место преступления.

Кашлянув, Рейчел указала вперед.

– Я здесь для того, чтобы описать место взрыва и убедиться в том, что после этого не было похищено никаких произведений искусства.

– Значит, бумажная работа. – Голос полицейского был пронизан презрением. Он добавил себе под нос: – Неудивительно, что послали женщину.

Рейчел не обратила внимания на оскорбление. Она убрала удостоверение.

– Простите, я тороплюсь. Уже поздно, а мне еще предстоит много работы.

Пожав плечами, полицейский отступил в сторону, но всего на шаг. Рейчел пришлось протискиваться мимо него. Полицейский навалился на нее всем своим весом, стремясь уstra-

шить размерами. Рейчел разгадала его игру. В ведомстве, представлявшем собой практически исключительно мужское братство, к женщине относились или как к угрозе, или как к добыче.

Вспыхнувшая ярость на мгновение прожгла насквозь тревогу и беспокойство. Рейчел протиснулась мимо грубияна, но только после того, как убедилась, что ее каблук нашел его ногу. Она перенесла на тонкую шпильку весь вес своего тела.

Рывкнув от изумления, полицейский отскочил назад.

– Scusi⁴, – холодно извинилась Рейчел и, не оглядываясь назад, прошла на площадь.

– Zoccola!⁵ – крикнул ей вдогонку полицейский.

Не обращая на него внимания, Рейчел пересекла пустынную площадь. По обе стороны ее заключали в объятия вытянутые руки колоннады Бернини. Пройдя мимо обелиска и фонтанов и направившись дальше к главным дверям собора, Рейчел поймала себя на том, что ускорила шаг. Над головой на фоне ночного неба сиял необъятный купол, творение Микеланджело.

Проходя между огромными статуями святого Петра и святого Павла, охранявшими вход в собор, Рейчел взглянула на надпись под апостолом Павлом, вооруженным мечом. На иврите надпись гласила: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе»⁶. Рейчел не знала иврит, но этим словам выучил ее дядя Вигор, еще в детстве. Молодая женщина набралась сил как от этой надписи, так и от воспоминания о дяде.

Укрепившись в решимости, Рейчел поднялась по ступеням к входу в собор. Двери оказались не заперты. Пройдя через портик, она очутилась в просторном нефе, простирившемся вперед почти на двести метров. Темнота внутри лишь кое-где рассеивалась дрожащими огоньками поминальных свечей, а в дальнем конце нефа в свете переносных натриевых ламп сиял папский алтарь. Даже со своего места Рейчел увидела желтую полицейскую ленту.

Взрыв произошел в апсиде, в пространстве позади главного алтаря. Рейчел прошла по центральному проходу, не обращая внимания на сокровища искусства, архитектуры и истории. Ее внимание было полностью сосредоточено на том, что ждало ее впереди.

Дойдя до главного алтаря, молодая женщина приблизилась к ленте, огораживавшей место преступления. В этот поздний час здесь никого не было. На протяжении двух дней эксперты и криминалисты прочесывали все вокруг с кисточками, щетками, баночками, пробирками с химическими реактивами, собирая улики. Уже было установлено, что в апсиде взорвался заряд твердого гептанитрокубана, особо мощного взрывчатого вещества нового поколения.

Когда Рейчел увидела перед собой покрытый копотью мрамор, ее охватила дрожь. Только это напоминало о взрыве. Даже кровь уже отмыли. Однако на участке пола, огороженном лентой, по-прежнему были заметны черные следы, позволяющие определить траекторию распространения взрывной волны. В дальней части апсиды нарисованный мелом контур обозначал место, где лежало тело отца Марко Джованни. Погибший священник был обнаружен у подножия кафедры Святого Петра, под окном с изображением голубя, олицетворяющего Святой Дух.

Рейчел уже ознакомилась с досье на молодого священника. Марко Джованни был учеником ее дяди, коллегой-археологом. Последние десять лет он провел в Ирландии, где занимался изучением корней христианства у кельтов, исследуя причудливое сочетание языческих ритуалов с католической верой. В первую очередь его интересовали мифы, связанные с Черной Мадонной, в которой многие видели симбиоз языческой Матери-Земли и Богородицы.

Почему археолог, занимавшийся этими вопросами, мог стать жертвой? Или это произошло случайно? Неужели на самом деле дядя Вигор и его ученик просто оказались не в том месте не в то время?

В случившемся как будто не было никакого смысла.

⁴ Прошу прощения (*ит.*).

⁵ Шлюха! (*ит.*)

⁶ К Филиппийцам, 4:13.

Сглотнув комок в горле, Рейчел обернулась. Дядю Вигора нашли распростертым на полу рядом с папским алтарем, куда его отбросила взрывная волна. Прелат находился в сознании.

Не желая загрязнить своим присутствием место преступления, Рейчел обошла огороженное место по периметру, оставаясь за желтой лентой. Затем поднялась на две ступени и попала в левую часть апсиды. Пространство там было тесное. Рейчел прошла мимо монумента Папе Павлу III и скульптур по бокам от него, изображающих добродетели Справедливость и Милосердие, которые имели портретное сходство с сестрой и матерью Папы.

Она замедлила шаг.

«Что я здесь делаю?»

Внезапно Рейчел слишком остро прочувствовала мертвенную тишину, царящую в соборе, гнетущую тяжесть веков и смерти, которой веяло от рядов гробниц по бокам и впереди. Усугубляло ощущение то, что прямо напротив, в противоположном конце апсиды, у дальней границы места преступления возвышался склеп Папы Урбана VIII. Монумент венчала бронзовая статуя Папы, поднявшего руку в благословении. Но у него под ногами находилось надгробие, и с этого надгробия поднимался бронзовый скелет. Воздетая костлявая рука застыла, только что записав имя скончавшегося Папы в развернутом свитке.

Рейчел поежилась от этого зрелища.

Обыкновенно молодая женщина не отличалась особым суеверием, но сейчас, когда дядя Вигор находился на пороге смерти... Что, если она его потеряет?

Рейчел хотела отвернуться, но ее взгляд помимо воли оставался прикован к жуткому изваянию, символу смерти. И тут она вспомнила. Ее захлестнула холодная дрожь, от которой на руках поднялись мурашки.

Смерть.

Рейчел прошептала вслух то единственное слово, которое повторял в бреду дядя Вигор. – Morte.

Она внимательно оглядела бронзовое изваяние, застывшее на корточках на мраморном надгробии. А что, если дядя пытался что-то передать, объяснить?

Рейчел поспешила вдоль желтой ленты к противоположному концу апсиды. Привстав на цыпочки, она всмотрелась внимательнее, но, хотя изучала статую очень пристально, эта маленькая деталь едва не ускользнула от нее. Коричневый кожаный ремешок был такого же цвета, как и потемневшая от времени бронза.

Натянув латексные перчатки, Рейчел взобралась на край надгробия, чтобы дотянуться до шнурка. Схватив его, она освободила крошечный мешочек, затерявшийся в костистой ладони Смерти. Рейчел соскочила вниз, сжимая добычу. Имеет ли ее находка какое-либо значение? Или же это лишь бессмысленное украшение, оставленное каким-нибудь верующим или туристом?

Она сразу же увидела клеймо, выжженное на коже. Казалось, оно ничего не значило. Это была лишь грубая спираль, похожая на магический талисман.

Разочарованная, молодая женщина перевернула маленький кожаный мешочек. Когда она увидела то, что было выжжено на другой стороне, у нее перехватило дыхание.

Круг, рассеченный крестом.

Рейчел уже видела этот знак.

В криминалистическом отчете осмотра трупа отца Марко Джованни.

Этот же самый символ был выжжен на лбу мертвого священника. Несомненно, в этом присутствовал какой-то смысл, но какой?

Рейчел знала одно место, где можно было попытаться найти ответ. Распутав шнурок, она раскрыла мешочек и вывалила его содержимое на ладонь. Молодая женщина нахмурилась, увидев один-единственный предмет – что-то вроде маленькой почерневшей веточки. Рейчел присмотрелась внимательнее – и тотчас поняла свою ошибку.

У веточки был ноготь.

В ужасе Рейчел едва ее не выронила.

У нее в руке была не веточка.

Это был человеческий палец.

14 часов 55 минут

Вашингтон

Пейнтер Кроу сидел за столом в своем кабинете без окон и катал между ладонями пузырек с аспирином. Тупая боль прочно угнездилась между глазными яблоками, предвещая полномасштабную мигрень. Встряхнув пузырек, Пейнтер пожалел о том, что не может прибегнуть к какому-нибудь более сильнодействующему средству, например к хорошей дозе односолодового виски.

Но с еще большей охотой он променял бы это на массаж шеи, сделанный его подругой. К сожалению, Лиза уехала на Западное побережье, в гости к своему брату-скалолазу в Йосемитский национальный парк. И вернется она только на следующей неделе. Предоставленный сам себе, Пейнтер вынужден был довольствоваться продукцией компании «Байер»⁷.

В течение нескольких часов Пейнтер изучал информацию, большая часть которой по-прежнему оставалась выведена на огромные жидкокристаллические мониторы во всю стену, окружавшие его стол. Глядя на один из экранов, Пейнтер в тысячный раз пожалел о том, что в его кабинете нет ни одного настоящего окна. Быть может, в нем говорила кровь индейцев пеко, но ему нужна была хоть какая-то связь с голубым небом, деревьями и простыми ритмами обычной жизни.

Однако этого не будет никогда.

Кабинет Пейнтера вместе с остальными помещениями центрального управления «Сигмы» был упрятан глубоко под землю, под «Смитсоновским замком»⁸ на Эспланаде. Центр был размещен в переоборудованном бомбоубежище времен Второй мировой войны. Это место выбрали как из-за удобной близости к государственным учреждениям, так и из-за возможности быстрого доступа к многочисленным исследовательским лабораториям Смитсоновского института.

В настоящий момент Пейнтер променял бы все это на одно-единственное окно. С другой стороны, на протяжении последних нескольких лет здесь был его дом, и он относился к нему очень тепло. «Сигма» до сих пор приходила в себя после прошлогоднего удара по центру. Ущерб оказался значительно большим, чем просто закопченные стены и уничтоженное оборудование. Вашингтонская политика представляла собой сложное сплетение власти, честолюбия и беспощадной вражды. Здесь сильные разрывали на части слабых. И, справедливо это или нет, нападение подорвало репутацию «Сигмы» среди американских разведывательных ведомств.

К тому же Пейнтер подозревал, что истинные вдохновители нападения по-прежнему оставались на свободе. Человек, возглавивший удар, начальник отдела Управления военной разведки, был в свое время уволен из «Сигмы» за недостойное поведение. Однако Пейнтер сомневался, что он смог повернуть такое в одиночку. Для того чтобы нанести столь мощный

⁷ «Байер» – транснациональная фармацевтическая компания, впервые выпустившая аспирин.

⁸ «Замок» – распространенное прозвище здания в псевдоготическом стиле, в котором размещается администрация Смитсоновского института, крупного комплекса культурно-просветительских и научных учреждений в Вашингтоне.

удар, нужно иметь доступ к разнообразной засекреченной информации, предоставить которую мог только человек, находящийся в самом центре политической паутины Вашингтона.

Но кто?

Тряхнув головой, Пейнтер взглянул на часы. С подобными вопросами придется повременить. Через несколько минут ему предстоит шагнуть навстречу новой грозе. Он еще не был готов снова сталкиваться лбами, но в данном случае у него отсутствовал выбор. Два часа назад у Пейнтера уже состоялся горячий спор с Греем Пирсом. Грей хотел взять с собой в Италию Монка Коккалиса, однако Пейнтер сомневался, что Монк уже готов к полноценной оперативной работе. Врачи и психологи до сих пор не дали напарнику Грея заключение о профессиональной пригодности.

К тому же сведения, поступившие из Рима, оставались скудными. Пейнтеру трудно было решить, кто из оперативных сотрудников «Сигмы» лучше подходит для этого задания, какая научная дисциплина дополнит познания Грея в биофизике. Специальностью Монка Коккалиса была криминалистика, а в настоящий момент потребности в такого рода опыте, казалось, не было. Сознывая это, Грей вынужден был в конце концов согласиться, но все же Пейнтер не отпустил его в Рим одного. До тех пор пока не выявятся новые подробности, Грею будет нужна одна только грубая физическая сила.

И он ее получил.

Пока Пейнтер размышлял о том, принять ли еще одну таблетку аспирина, на столе зазвонил внутренний коммутиратор. Затем послышался голос Брэнта:

– Господин директор, на связи генерал Меткалф.

Пейнтер ждал это приглашение на телеконференцию. Он прочитал совершенно секретное сообщение, пришедшее по электронной почте от главы УППОНИР. Тяжело вздохнув, директор ткнул кнопку и развернул кресло к настенному монитору за спиной.

Черный экран, мигнув, заиграл всеми цветами. Генерал сидел за письменным столом. Грегори Меткалф, темнокожий выпускник военного училища Вест-Пойнт, несмотря на свои пятьдесят с лишним лет, оставался таким же крепким и плотным, каким был, когда играл защитником в команде училища по американскому футболу. Единственным признаком возраста были тронутые сединой волосы и очки для чтения, которые он держал в левой руке. После назначения Меткалфа главой УППОНИР Пейнтер быстро научился уважать его ум.

Однако в отношениях между ними до сих пор оставалась взаимная настороженность.

Подавшись вперед, генерал без какого-либо вступления спросил:

– Вы ознакомились с отчетом о вооруженном столкновении в Африке, который я вам направил?

«Ни грамма элементарной вежливости».

Пейнтер указал на один из соседних мониторов.

– Ознакомился. А также запросил доклад НАТО о нападении на лагерь Красного Креста. И еще я проверил досье на корпорацию, которой принадлежала опытная ферма.

– Очень хорошо. В таком случае мне не придется вводить вас в суть дела.

Пейнтер ошетинился от этого снисходительного замечания.

– Но я по-прежнему не понимаю, какое отношение это имеет к «Сигме».

– Это потому, директор, что я вам еще ничего не сказал.

Боль между глазами у Пейнтера усилилась.

Генерал что-то набрал на лежащей перед ним клавиатуре. Огромный экран разделился на две половины, и рядом с изображением главы УППОНИР появилась фотография. На ней был запечатлен молодой белый мужчина, раздетый до трусов и подвешенный на деревянном кресте посреди сожженного, дымящегося поля. Это зрелище напоминало скорее не распятие, а жуткое пугало. На заднем плане Пейнтер разглядел засушливую африканскую саванну.

– Этого парня зовут Джейсон Гормен, – холодно промолвил Меткалф.

Пейнтер сдвинул брови вместе.

– Гормен. Он, случайно, не приходится родственником сенатору Гормену?

Фамилия сенатора всплыла, когда Пейнтер изучал материалы о корпорации «Виатус». Себастьян Гормен возглавлял комиссию сената по сельскому хозяйству, продовольствию и лесам. Он всячески поддерживал расширение производства продовольствия на основе генетически модифицированных сортов растений, видя в этом возможность прокормить голодающий мир и получить дешевые биоэнергетические ресурсы.

Генерал кашлянул, привлекая к себе внимание пораженного Пейнтера.

– Это двадцатитрехлетний сын сенатора Гормена. Молодой человек имел диплом специалиста по молекулярной биологии растений и работал над диссертацией, но в Мали он отправился в основном для того, чтобы быть глазами и ушами сенатора во всем, что касалось проводимых там работ.

Пейнтер начинал понимать, почему это событие вызвало такую бурную реакцию в Вашингтоне. Могущественный сенатор, разумеется, вне себя от горя и, стремясь найти ответы относительно смерти своего сына, трясет весь Капитолийский холм. Но все равно Пейнтер не понимал роль «Сигмы» во всем этом. Из доклада НАТО следовало, что нападение на лагерь совершили повстанцы-туареги – их отряды постоянно совершали жестокие набеги на северные районы Мали.

Меткалф продолжал:

– Сенатор Гормен получил по электронной почте сообщение, которое его сын отправил утром в день нападения. В нем в нескольких словах описывались действия нападавших. Судя по тому, что были задействованы вертолеты и напалмовые бомбы, удар нанесла мощная, хорошо оснащенная в военном плане группировка.

Пейнтер выпрямился в кресле.

– К сообщению были подсоединены какие-то файлы с результатами исследований. Сенатор не понял, зачем их ему прислали, и не смог разобраться, что они означают. За неимением лучшего он отправил файлы научному руководителю своего сына в Принстонском университете, доктору Генри Маллю.

– Мне бы хотелось самому взглянуть на эти файлы, – сказал Пейнтер, начиная понимать, почему к этому делу подключили «Сигму». Странное нападение, загадочные исследования – как раз то, чем и занимается его ведомство. Мысленно Пейнтер уже начал продумывать план действий. – Наши люди смогут прибыть на место в Мали не позднее чем через двадцать четыре часа.

– Нет. Ваше участие в этом деле будет ограниченным. – В голосе Меткалфа прозвучала недвусмысленная угроза. – Все это уже разрослось до самой настоящей политической бури. Сенатор Гормен развернул охоту на ведьм, ищет виновных.

– Господин генерал... – начал было Пейнтер.

– А «Сигма» и так уже оказалась на зыбкой почве. Один неверный шаг – и вас придется собирать по кусочкам.

Пейнтер сдержался, никак не отреагировав на это недвусмысленное заявление о недоверии к его группе. Ему приходилось выбирать, когда вступать в схватку с начальством, а когда сдаваться без боя. И сейчас как раз был тот случай, когда лучше уступить.

– Так какую же роль вы оставляете для «Сигмы»?

– Собрать информацию относительно этих файлов, определить, имеет ли смысл проводить дальнейшее расследование. И начать надо с доктора Маллю. Я хочу, чтобы с ним побеседовали, а файлы изучили.

– Наша группа будет у него сегодня вечером.

– Очень хорошо. Но есть еще один момент. И мне хотелось бы, чтобы вы занялись этим лично.

– Чем?

– Об одной подробности случившегося пока что не сообщалось. Я хочу, чтобы вы взяли это на себя.

Генерал снова застучал по клавиатуре, и фотография Джейсона Гормена увеличилась так, что весь экран заняло лицо.

– Перед тем как распять мальчишку, эти мерзавцы надругались над его телом.

Встав, Пейнтер шагнул к самому экрану. На лбу у молодого мужчины был выжжен знак, словно к нему приложили раскаленное клеймо. Круг и крест.

– Я хочу знать, почему это было сделано, – сказал Меткалф. – И что это означает.

Пейнтер медленно кивнул.

Он хотел узнать то же самое.

21 час 35 минут

Рим, Италия

Рейчел поставила «мини-купер» на свое место на стоянке перед домом. Оставаясь в машине, она еще раз задумалась о том, что сделала. На сиденье рядом с ней лежал полиэтиленовый пакет со старинным кожаным мешочком и его зловещим содержимым.

Молодая женщина покинула собор Святого Петра, никому не сообщив о своей находке.

«Уже поздно, – попыталась оправдаться она перед собой. – Свою находку я передам следователям завтра. И тогда же представлю полный отчет».

Но Рейчел сознавала, что истинная причина этой кражи вещественного доказательства гораздо глубже. На спрятанный мешочек ее навели слова дяди Вигора. Она чувствовала, что эта находка в какой-то степени является ее собственностью. Если она передаст мешочек следствию, ей не только сделают выговор за вмешательство в дело, не входящее в ее компетенцию, но и полностью выведут ее из игры. Возможно, она так никогда и не узнает истинное значение этого мешочка. И наконец, молодая женщина не могла избавиться от ощущения определенной гордости. Никто, кроме нее, не заметил мешочек. Она доверяла больше своему нутру, чем беспорядочному хаосу международного и межведомственного расследования.

А нутро подсказывало Рейчел, что она взялась за дело не по плечу. Ей нужна помощь. Надо будет подождать до завтрашнего утра, когда придет Грей, ввести его в курс дела и дальше плясать уже отсюда.

Определившись с планом действий, Рейчел схватила пакет с уликой и сунула его в карман. Выйдя из машины, она направилась к лестнице. Ее квартира находилась на третьем этаже. Хотя она была маленькая, с балкона открывался восхитительный вид на Колизей.

Поднявшись на площадку третьего этажа, Рейчел толкнула дверь, ведущую с лестницы. Проходя по коридору, она обратила внимание на две вещи. Синьора Розелли снова обильно приправила свою стряпню чесноком, а из-под входной двери ее собственной квартиры пробивалась полоска света.

Рейчел остановилась. Она всегда выключала свет, выходя из дома. Но с другой стороны, сегодня утром она была не в себе. Быть может, просто забыла.

Не желая рисковать, Рейчел поднялась на цыпочки и бесшумно прокралась по коридору. Город был наводнен ворами и грабителями, и в этом районе квартирные кражи стали обычным делом. Взгляд молодой женщины оставался прикован к полоске света под дверью. Когда Рейчел подошла ближе, эту полоску пересекла тень.

У Рейчел по спине пробежали холодные мурашки.

У нее в квартире кто-то был.

Выругавшись про себя, Рейчел попятилась назад. Оружия у нее не было. Она подумала было о том, чтобы постучать в дверь синьоры Розелли, покинуть коридор, но чеснок уже без-

жалостно щипал ей нос. Внутри тесной квартиры пожилой женщины едкий запах станет просто невыносимым. Рейчел сунула руку в карман и достала сотовый телефон.

Пятясь, она отступила к двери на лестничную клетку и толкнула ее, не отрывая взгляда от двери своей квартиры. Но едва она вышла на площадку, ей в затылок уперлось что-то холодное.

Дуло пистолета.

Прозвучавший у нее за спиной голос подтвердил худшие опасения.

– Не двигаться!

Глава 4

10 октября, 15 часов 28 минут

Роквилл, штат Мэриленд

Монк качал на коленях свою маленькую дочку. Пенелопа, пиццавшая от восторга, улыбкой напоминала отца. К счастью, это было единственное, что она от него унаследовала. Светло-золотистые кудри и мягкие черты лица достались ей от матери.

– Монк, если она из-за тебя отрыгнет!..

Кэт вышла из кухни, вытирая руки полотенцем. Она по-прежнему была в парадном мундире. Час назад капитан Брайент возвратилась с Капитолийского холма, где от лица «Сигмы» оживляла кое-какие бывшие связи в разведывательном сообществе, помогая Пейнтеру Кроу навести мосты через политические овраги. Единственной поправкой на то, что она вернулась домой, стали распущенные волосы, которые теперь свободными волнами ниспадали до плеч.

Монк оставался в трусах и футболке. Подбросив Грея в аэропорт, он поспешил напрямик домой. А что еще ему оставалось делать? Монк знал, что Грей отчаянно сражался за него, стараясь упросить Пейнтера отправить друга вместе с ним в Италию. Но все это было тщетно.

Монк пересадил малышку на другое колено.

– Я уже подогрела бутылочку с детским питанием, – сказала Кэт, подходя к мужу и протягивая руки, чтобы забрать у него Пенелопу.

Внезапно молодая женщина споткнулась и с трудом удержала равновесие. Она опустила взгляд на пол.

– Монк, сколько тебе говорить, чтобы ты не бросал свою руку где попало?

Монк потер культию запястья.

– Новый протез все еще натирает.

Тяжело вздохнув, Кэт забрала Пенелопу.

– Ты хоть представляешь себе, сколько он стóбит?

Монк молча пожал плечами. Разработанный специалистами УППОНИР протез был настоящим чудом биоинженерии. В нем использовались новейшие технологии; искусственная рука вырабатывала сигналы, полностью идентичные настоящим тактильным ощущениям, и обладала возможностью выполнять хирургически точные действия. Помимо того, культя кисти Монка была заключена в манжету из синтетических полимеров, хирургически подсоединенную к нервным окончаниям и сухожилиям, связанным с мышцами.

Монк привел в действие титановые контакты на пластиковой манжете. На полу отсоединенная механическая кисть поднялась на кончиках пальцев, откликаясь на беспроводные сигналы управления. Протез обладал своей механической мускулатурой, однако мозгом его была манжета на запястье. Монк заставил кисть «подойти» к дивану, поднял ее с пола и закрепил на руке. Затем пошевелил искусственными пальцами, проверяя, как протез сел на место.

– Все равно натирает, – пробормотал он.

Кэт направилась было назад на кухню, но Монк похлопал по дивану рядом с собой. Вздохнув, жена под села к нему. Монк привлек ее к себе, наслаждаясь ароматом жасмина, исходящим от ее распущенных волос. Кэт прильнула к нему. Какое-то время оба сидели молча. Пенелопа задремала, прижимая к губам сжатый кулачок. Монк наслаждался тем, что держит в объятиях сразу всю свою семью.

Наконец Кэт заговорила, тихо и нежно:

– Я очень сочувствую тебе по поводу Италии.

Монк закатил глаза. Он ни словом не обмолвился жене об этом деле. Для них эта тема была запретной. Но можно было ожидать, что рано или поздно Кэт обязательно обо всем про-

ведает. У нее были такие связи в разведывательном сообществе, что скрыть от нее что бы то ни было не представлялось возможным.

Кэт повернулась к нему лицом. В приглушенном беспокойстве, которым были наполнены ее глаза, в тревожном изгибе губ Монк увидел игру противоречивых чувств. Кэт понимала, как ему хочется вернуться на оперативную работу, однако тревога за мужа была слишком очевидна. Монк мельком взглянул на свой протез. Эта тревога имела под собой веские основания.

Но в то же время он любил свою работу и понимал ее важность.

За прошедший год, восстанавливаясь после травм, как физических, так и душевных, Монк прочувствовал это как никогда остро. Хотя он обожал свою семью и признавал ответственность перед ней, он также понимал, какую жизненно важную роль играет для глобальной безопасности «Сигма». И ему было мучительно больно оттого, что его отстранили от серьезной работы.

– Я слышала, сегодня тебе поручили новое задание, – продолжала Кэт.

– Опять копать в бумагах, – проворчал Монк. – Мне нужно будет отправиться в Нью-Джерси и побеседовать с одним светилом науки о каких-то материалах, поступивших в Принстонский университет. К полуночи надеюсь быть дома.

Кэт взглянула на часы.

– А почему ты еще не начал собираться?

– Время есть. Директор Кроу дал мне напарника. Разбирающегося в генетике. Новичка.

– Джона Крида.

Повернувшись, Монк посмотрел жене в лицо.

– Есть хоть что-нибудь такое, чего ты не знаешь?

Улыбнувшись, она подалась вперед, целуя его.

– Еще я знаю, что бутылочка с питанием для Пенелопы остывает.

Протез Монка стиснулся у Кэт на плече, не давая ей встать.

– А я знаю, что ее можно будет снова разогреть. – Его голос стал сдавленным. – И у меня еще есть полчаса.

– Целых полчаса? – насмешливо изогнула брови Кэт. – А ты становишься честолюбивым.

Прищурившись, Монк усмехнулся.

– Женщина, не шути со мной.

Кэт снова поцеловала его, долго, страстно, шепча ему в губы:

– Ни за что.

16 часов 44 минуты

Принстон, штат Нью-Джерси

Оставаясь один в лаборатории в подвале, доктор Генри Маллой в третий раз запустил компьютерное моделирование. В ожидании результатов он покачал головой. Это была какая-то бессмыслица. Откинувшись на спинку кресла, Маллой потянулся, разминая уставшие члены. На протяжении последних двадцати четырех часов он изучал данные, полученные от сенатора Гормена. Объем информации оказался значительным, и для полного анализа пришлось задействовать мощную вычислительную станцию.

Послышался стук в дверь. Дверь в лабораторию была герметически закрыта, чтобы исключить нежелательное проникновение озона. Допуск сюда осуществлялся только с помощью специального электронного ключа.

До окончания тестов оставалось еще несколько минут. Маллой подошел к двери и открыл ее. Послышался шепчущий свист сжатого воздуха. Как оказалось, пришла одна из лаборанток, Андреа Солдерич. Она уже давно работала у Маллойа. Это была привлекательная женщина с ладной фигурой и золотисто-каштановыми волосами, но ее двадцать лет минули уже давно. Андреа было пятьдесят с лишним. В прошлом медсестра, она затем решила круто сменить

карьеру. Им приходилось проводить вместе много времени, и Маллой было уютнее с человеком, принадлежащим к тому же поколению, что и он сам. Обоим даже нравилась одна и та же музыка: Маллой часто слышал, как Андреа тихо напевает себе под нос.

Однако сейчас на лице лаборантки было написано беспокойство.

– В чем дело, Андреа? – спросил Маллой.

Она показала несколько исписанных листков.

– Из кабинета сенатора Гормена звонили уже трижды, справлялись о ходе работ.

Маллой взял у нее записки. Он терпеть не мог, когда ему дышат в затылок, но понимал нетерпение сенатора. Хотя Джейсон Гормен был лишь учеником Маллой, профессор ощутил болезненный укол, узнав о его безвременной гибели, особенно при таких жутких обстоятельствах.

– Я также пришла напомнить вам о том, что у вас через час назначена встреча с доктором Коккалисом из Вашингтона, – продолжала Андреа. – Не хотите, чтобы я принесла вам что-нибудь из кафетерия?

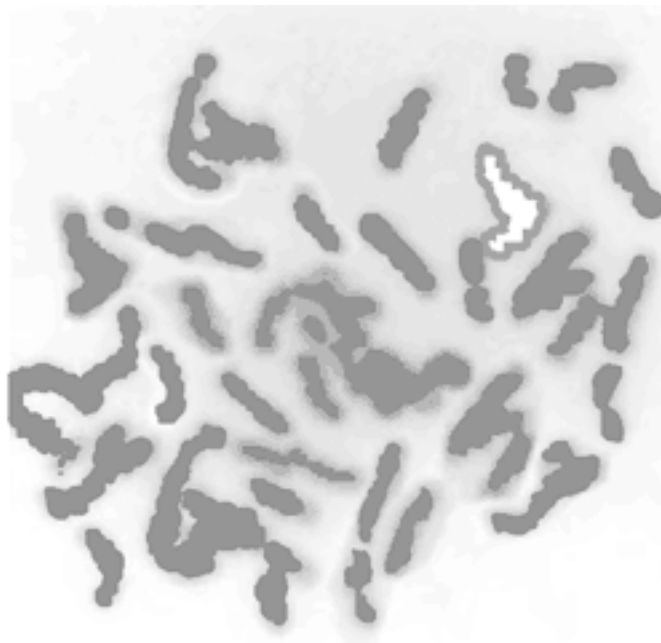
– Да нет, все в порядке, но раз уж вы здесь, мне хотелось бы, чтобы кто-нибудь взглянул на все это свежим взглядом. Особенно перед тем, как я буду звонить в Вашингтон. Я хочу узнать, что вы думаете по этому поводу.

Андреа просияла.

– И я признателен вам за то, что вы пришли сюда в свой выходной, – добавил Маллой, подводя лаборантку к экрану компьютера. – Без вашей помощи я бы не справился.

– Ну что вы, доктор Маллой.

Компьютер наконец закончил третий проход моделирования. На экране появилась карта хромосом образца кукурузы, посаженного на опытном поле в Африке. Все хромосомы были черными, кроме одной, выделенной белым цветом.

Генри постучал пальцем по экрану.

– Вот здесь можно видеть помеченную радиоактивным изотопом чуждую молекулу ДНК, введенную в генетически модифицированную кукурузу.

Андреа с любопытством склонилась к экрану, наморщив лоб.

– И каково происхождение этой ДНК? Бактерия?

– Скорее всего. Но с полной уверенностью сказать не могу.

И все же предположение Андреа попало в точку. Большинство генетических модификаций осуществляется через рекомбинацию и расщепление генов бактерий, посредством чего благоприятные характеристики определенных бактерий вводятся в геном растения. Самым первым успехом стало введение генов *Bacillus thuringiensis* в геном табака. Растение получилось более устойчивым к воздействию вредных насекомых, вследствие чего удалось значительно сократить количество инсектицидов, которыми обрабатывались поля. В последние десять лет подобные технологии получили столь широкое распространение, что в настоящее время около трети зерновых, выращиваемых в Соединенных Штатах, являлись генетически модифицированными.

– Но если эта ДНК взята не из бактерии, то из чего? – спросила Андреа.

– Не знаю. Она запатентована и засекречена компанией «Виатус». В файле она значится лишь как «УЗ двести двадцать два». Аббревиатура «УЗ» означает «устойчивый к засухе». Но я хотел показать вам не это. – Генри указал на экран. – Этот образец Джейсон Гормен прислал мне два месяца назад.

– Два месяца назад?

– Ну да, так давно. Мальчишка с восторгом отнесся к возможности принять участие в практических исследованиях в Африке. Он не должен был разглашать эту информацию. По сути дела, Джейсон нарушил соглашение о конфиденциальности. Я предупредил его об осторожности и просил молчать о том, что он сделал. Могу только представить себе, какое отчаяние он испытал в то последнее утро. И все же у него хватило предусмотрительности по возможности сохранить все данные.

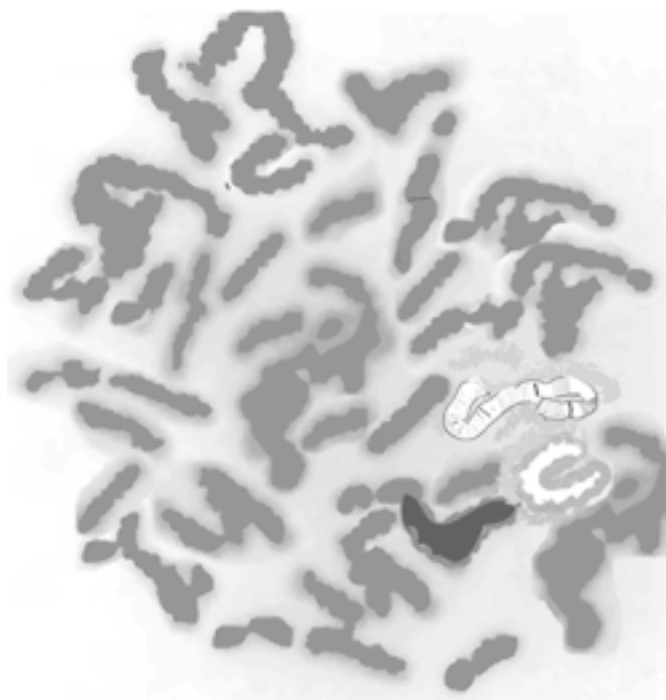
Андреа кивнула.

– И что он прислал в последний день?

Генри застучал по клавишам, вызывая самые свежие данные.

– Сейчас покажу. Только что был собран первый урожай посаженной кукурузы. Джейсон прислал подробный анализ образцов этого урожая, в том числе полный набор ДНК. И вот результаты.

На экране появился второй набор хромосом. И снова большинство было отмечено черным цветом, обозначающим ДНК обычной кукурузы. Но в дополнение к одной хромосоме, выделенной белым, над ней появилась и вторая, раскрашенная в черно-белую полосу.

– Ничего не понимаю, – сказала Андреа.

– Присмотритесь внимательнее.

Генри увеличил изображение видоизмененной хромосомы. Теперь появилась возможность разглядеть отдельные гены, перемежающиеся черными и белыми полосами.

Генри объяснил:

– Чуждая ДНК проникла в другую хромосому, вторглась в своего соседа.

– Она распространяется?

Маллой обернулся к помощнице. В его голосе звенело возбуждение.

– Точно не могу сказать. Но я повторил эксперимент трижды. Быть может, в первый раз Джейсон прислал образец ДНК какого-то другого гибрида. Быть может, на этом поле испытывается несколько новых сортов кукурузы. Но если это не так, получается, что генетическая модификация нестабильна. Она изменяется от одного поколения к другому. Образец стал более чужеродным, в нем осталось меньше от кукурузы.

– Что это означает?

Генри пожал плечами.

– Понятия не имею. Но кто-то должен во всем разобраться. Я уже направил запрос в отдел биогенетики зерновых «Виатуса». Уверен, там эти данные вызовут большой интерес. Быть может, мне даже удастся выцарапать у корпорации новый грант.

Андреа встала.

– В таком случае и я наконец дождусь того повышения зарплаты, на которое вы столько намекали.

У нее на лице мелькнула тень улыбки, в которой отразился восторг ее босса.

– Посмотрим.

Андреа взглянула на часы.

– Если я вам больше не нужна, побегу домой. Мои собаки провели взаперти весь день. Наверное, они уже скулят и царапаются в двери.

Генри проводил ее до двери.

– Еще раз спасибо за то, что пришли в свой выходной.

Андреа задержалась в дверях.

– Вам точно не надо принести перекусить? Смотрите, пока я еще не ушла.

– Нет, я завершу тест и загружу данные на сервер. Много времени это не займет.

Помахав рукой, лаборантка вышла. Дверь с шелестом закрылась за ней.

Генри вернулся к рабочей станции. Ему потребуется меньше часа, чтобы оформить отчет. Хотя файлы, отправленные Джейсоном из Африки, не проливали свет на обстоятельства его гибели, они свидетельствовали о мужественном сердце, и сенатор Гормен должен был этим гордиться.

– Ты отлично поработал, Джейсон, – пробормотал Генри, напоследок еще раз просматривая файлы.

В течение следующих пятнадцати минут он напечатал несколько замечаний и комментариев. Ему хотелось произвести впечатление на «Виатус». Отдел биогенетики зерновых поручал анализировать образцы лабораториям, разбросанным по всему миру, хотя в настоящий момент основная часть заказов направлялась в Индию и Восточную Европу, где стоимость работ была значительно ниже. Если удастся убедить руководство корпорации доверить самые важные исследования ему...

От этой мысли у Маллоя по лицу расплылась улыбка.

Его снова прервал стук в дверь. Улыбка стала шире. Если он хорошо знает Андреа, она не положится на его слово. Наверняка она все-таки сходилась в кафетерий и взяла ему что-нибудь перекусить.

– Уже иду! – крикнул Генри.

Пройдя через лабораторию, он прикоснулся к замку магнитной карточкой, отпирая дверь.

17 часов 30 минут

Монк сел в такси, ждавшее у железнодорожного вокзала. Его напарник уже сидел на заднем сиденье и давал указания водителю:

– Лаборатория Карла Икана⁹ в Принстонском университете. Это на Вашингтон-роуд.

Устроившись сзади, Монк разгладил пиджак и откинулся на спинку. Чемоданчик он положил на колени. Этот чемоданчик из натуральной кожи, сделанный на заказ, Кэт подарила ему два месяца назад, когда он снова вернулся к исполнению своих служебных обязанностей, какими бы усеченными они ни были. Монк понимал невысказанное пожелание, скрывающееся за этим дорогим подарком. Кэт было гораздо спокойнее, когда он занимался бумажной работой. Все, что угодно, лишь бы он держался подальше от опасностей.

Монк вздохнул, и новый напарник вопросительно посмотрел на него.

Джон Крид сидел, немного ссутулившись. Хоть и жилистый, словно изголодавшийся терьер, парень самую малость не дотягивал до семи футов. Он был из последнего пополнения новичков, пришедших в «Сигму». Гладковыбритый, с длинными прямыми рыжими волосами,

⁹ Икан, Карл Силиан – американский миллиардер, филантроп, спонсирует многие научно-исследовательские проекты.

лицо покрыто веснушками. Несмотря на мальчишеские черты, выражение лица у Крида постоянно оставалось суровым.

Нахмурившись, Монк задал вслух вопрос, который мучил его с тех самых пор, когда он впервые встретился с новым напарником.

– Итак, малыш, сколько тебе лет? Четырнадцать? Пятнадцать?

– Двадцать пять.

Монк как мог постарался скрыть свои сомнения. Это казалось невозможным. Их разделяет только семь лет? Монк расслабил напряженные пальцы протеза, вспомнив, что за семь лет может произойти многое. И все же он впервые присмотрелся к своему напарнику внимательнее, пытаясь его оценить.

В поезде Монк ознакомился с подробным досье на доктора Генри Маллоя, однако о спутнике ему были известны лишь краткие биографические факты. Крид был родом из Огайо, год проучился на медицинском факультете, затем два года служил в морской пехоте, почти все это время провел в Кабуле. Осколок самодельного взрывного устройства стал причиной его хромоты, избавиться от которой он не сможет до конца жизни. Крид хотел остаться на военной службе, но вынужден был демобилизоваться, хотя обстоятельства этого оставались туманными. Учитывая его прошлое и результаты тестов, Крида пригласили работать в «Сигму». Он прослушал курс генетики в Корнеллском университете.

И все же внешность у него была такой, словно он только что встал со школьной скамьи.

– Итак, Дуги¹⁰, – продолжал Монк, – давно ты на оперативной работе?

Крид молча посмотрел на него; судя по всему, он привык к насмешкам по поводу своего детского лица.

– Корнеллский я окончил три месяца назад, – наконец натянуто произнес он. – В Вашингтоне два месяца. В основном устраивался на новом месте.

– Значит, это твое первое задание?

– Если это можно назвать заданием... – пробормотал Крид, отворачиваясь к окну.

Хотя сам Монк испытывал те же чувства, он ошетинился.

– Когда речь заходит об оперативной работе, тривиальных вещей не бывает. Любая подробность имеет значение. Нужная крупица информации может решить исход дела. И ты, Дуги, должен это хорошенько уяснить.

Крид повернулся к нему. На его угрюмом лице появилось глуповатое выражение.

– Хорошо. Урок усвоен.

Монк недовольно скрестил руки на груди.

«Дети! Они полагают, что знают все».

Тряхнув головой, Монк переключил свое внимание на пейзаж за окном такси. Машина как раз въехала в кампус Принстонского университета. Казалось, кто-то уронил посреди Нью-Джерси пышущий зеленью кусочек старой Англии. Ровные зеленые лужайки были усыпаны опавшей листвой, плющ карабкался по каменным стенам величественных готических зданий, даже общежития, казалось, сошли с гравюр девятнадцатого века.

Такси плавно катило по этому буколическому пейзажу и вскоре остановилось у места назначения. Монк и Крид вышли из машины.

Лаборатория Карла Икана находилась в углу обширной зеленой лужайки. В то время как большинство зданий университета относилось к девятнадцатому и даже восемнадцатому столетиям, лаборатория, построенная всего несколько лет назад, являла собой поразительный образец современной архитектуры. Два прямоугольных лабораторных корпуса стояли перпендикулярно друг другу. Их соединял двухэтажный изогнутый атриум, выходящий в парк.

¹⁰ Аллюзия на главного героя популярного телесериала «Дуги Хаусер, доктор медицины», необычайно одаренного подростка, уже в шестнадцать лет занимавшегося врачебной практикой.

Именно здесь они и должны были встретиться с доктором Генри Маллоем.

– Готов? – спросил Монк, сверяясь с часами.

Они опоздали на пять минут.

– Готов к чему?

– К беседе.

– Я полагал, разговаривать с профессором будете вы.

– Нет, Дуги, ты возьмешь все на себя.

Крид шумно вздохнул через нос.

– Хорошо.

Они вошли в здание и оказались в атриуме. Изгибающаяся стеклянная стена высотой в два этажа смотрела на лужайку. Сорокафутовые жалюзи, разделяющие окна, двигались вместе с солнцем. Они отбрасывали тени в глубь атриума, покрывая полосами столы и стулья. Тут и там сидели группки оживленно разговаривающих студентов, с руками, навечно приклеенными к стаканчикам кофе.

Поискав взглядом, Монк нашел то место, где они должны были встретиться с доктором Маллоем. Ошибиться было трудно.

– Сюда, – сказал он, увлекая своего спутника через атриум.

В самом конце у лестницы возвышалась скульптура, похожая на половину морской ракушки. Даже если бы Монка не предупредили об этом, он узнал бы в ней работу архитектора Фрэнка Гери. В своих складках ракушка укрывала небольшое уютное место для встреч. Там за маленьким столом уже сидели несколько человек.

Монк направился к ним. Однако, подойдя ближе, он понял, что все они слишком молодые. В чемоданчике у него была фотография доктора Маллоя. Определенно его среди собравшихся не было.

Быть может, профессор ушел, не дождавшись?

Отойдя в сторону, Монк достал сотовый телефон и набрал номер кабинета профессора. После нескольких звонков включилась голосовая почта.

«Если он уже ушел, если я зря притащился в такую даль...»

Монк позвонил по второму номеру. Это был телефон помощника профессора.

Ответила женщина. Монк быстро объяснил ей, что доктор Маллой не пришел на встречу.

– Его там нет? – удивленно спросила женщина.

– Здесь нет никого, кроме каких-то подростков, которым место в школе.

– Понимаю, – рассмеялась женщина. – Студенты год от года становятся моложе, не так ли? Мне очень неловко, но доктор Маллой, наверное, по-прежнему у себя в лаборатории. Именно там я видела его в последний раз, а звонки сотового он никогда не слышит. Бывает, доктор так увлекается работой, что забывает о запланированных лекциях. Боюсь, то же самое произошло и сегодня, так что не торопитесь уходить. Профессор был очень увлечен своим открытием.

Монк встрепнулся, услышав последние слова. Что, если доктору Маллою удалось обнаружить что-то важное, что-то такое, что поможет разобраться в африканской трагедии?

– Послушайте, – продолжала женщина, – я сейчас нахожусь в здании напротив, заканчиваю одну работу вместе с коллегой. Здания соединены подземным переходом. Спросите кого-нибудь из студентов. Я возьму у администратора ключ и встречу вас там. Лаборатория доктора Маллоя находится в подвале. Полагаю, он захочет показать вам результаты анализа ДНК.

– Хорошо. Буду ждать вас там. – Убрав телефон в карман, Монк махнул Криду чемоданчиком. – Заглянем к этому типу в гости.

Спросив дорогу у студентки в очень обтягивающей блузке, Монк повел своего напарника в подвал. Отыскать подземный переход оказалось нетрудно.

Когда они дошли до середины, с противоположного конца им замахала женщина средних лет. Монк помахал в ответ. Запыхавшись, женщина торопливо подошла к ним и протянула руку.

– Андреа Солдери, – представилась она.

Женщина провела гостей в соседний коридор. Она говорила не переставая, судя по всему сильно нервничая.

– Под землей всего несколько лабораторий. Так что заблудиться очень просто. В основном здесь склады, технические помещения... о, и виварий, где содержатся подопытные животные. Отделение геномики разместило лаборатории микроисследований под землей, чтобы защитить их от проникновения озона. Вот мы уже и пришли.

Зажав в руке электронный ключ, женщина подошла к закрытой двери.

– Администратор попытался дозвониться в лабораторию, – объяснила она. – Никто не ответил. Я просто загляну внутрь. Уверена, доктор Маллой не уезжал из университета.

Прикоснувшись карточкой к замку, Андреа потянула за ручку. Как только дверь с шелестом открылась, Монк сразу же почувствовал запах дыма. Судя по едкому привкусу, горело что-то электрическое, а сквозь дым проступал смрад паленых волос. Монк попытался остановить Андреа, но не успел. Она увидела то, что было внутри. У нее на лице отобразилось смещение, затем ужас. Взлетевшая рука прикрыла рот.

Монк отодвинул Андреа в сторону, передавая Криду.

– Держи ее здесь.

Бросив чемоданчик, он сунул руку под пиджак и достал из кобуры под мышкой свой табельный пистолет, «хеклер-и-кох» сорок пятого калибра. Женщина широко раскрыла глаза. Отвернувшись, она уткнулась лицом Криду в плечо.

– У тебя есть оружие? – спросил Монк напарника.

– Нет... я полагал, нам предстоит лишь беседа.

Монк покачал головой.

– Дай-ка предположить, Дуги. Ты никогда не был в бойскаутах.

Не дожидаясь ответа, Монк вошел в лабораторию, быстро обводя пистолетом все укромные места. Он был уверен, что того, кто это сделал, уже и след простыл, но рисковать ни к чему. Доктор Маллой сидел посреди помещения, привязанный к креслу. Его голова свисала на грудь. На полу под креслом собралась лужица крови.

От стоящего рядом компьютера остались одни обгоревшие обломки.

Монк огляделся вокруг. Убийцы вывели из строя датчики пожарной сигнализации, реагирующие на дым.

Подойдя к профессору, Монк пощупал пульс. Ничего. Однако тело еще было теплым. Убийцы не успели уйти далеко. Монк отметил, что у доктора Маллой сломаны пальцы. Его пытали. Скорее всего, выжимая какую-то информацию.

Смертельный удар был нанесен ножом в грудь – один, выполненный мастерски. Судя по тому, что смерть профессора была быстрой, он заговорил.

Монк напряженно застыл. Рядом с телом запах паленого был сильнее. Монк узнал вонь обугленной плоти. Пальцем он осторожно приподнял убитому подбородок. Голова безжизненно откинулась назад, открывая источник запаха. Посреди лба профессора чернел свежий ожог, все еще блестящий по краям, проникающий до самой кости.

Круг и крест.

Пронзительная трель привлекла внимание Монка обратно к двери. Это звонил сотовый телефон. Не желая загрязнять место преступления, Монк, пятясь, вышел в коридор.

Андреа стояла, прижимая телефон к уху. Глаза у нее были мокрыми от слез, она всхлипывала.

– Что? – шмыгнув носом, спросила она. Это был не столько вопрос, сколько выражение шока. – Нет! Почему?

Прижавшись к стене, Андреа бессильно сползла на пол. Телефон вывалился у нее из пальцев. Монк присел рядом на корточки.

– В чем дело?

Андреа покачала головой, не в силах поверить в случившееся.

– Кто-то... – Она указала на телефон. – Это звонила моя соседка. Она услышала, как лают мои собаки, увидела, что из дома кто-то вышел. И пошла посмотреть, в чем дело. Дверь была открыта. Они... они убили моих собак. – Андреа закрыла лицо руками. – Ну почему я не поехала прямо к себе домой, как обещала доктору Маллою?

Монк оглянулся на Крида. Тот стоял, наморщив лоб, ничего не понимая.

Но Монк понял все. Подхватив женщину под мышки, он поднял ее на ноги.

– Давно ваша соседка видела этих грабителей?

Андреа покачала головой, сиюсь обрести дар речи.

– Я... не знаю. Она не сказала. Она вызвала полицию.

Монк оглянулся на труп доктора Маллоя. Профессор заговорил. Назвал имена. В том числе, скорее всего, и имя своей лаборантки. Доктор Маллой полагал, что Андреа поехала к себе домой. И, судя по всему, назвал убийцам ее адрес. Они отправились к ней, чтобы заставить ее замолчать.

И, не найдя ее там...

Им потребуется только задать несколько вопросов, сделать несколько звонков.

– Нам нужно уходить отсюда! Немедленно!

Монк указал туда, откуда они пришли. Все трое побежали по коридору к подземному переходу. Он тянулся под улицей к соседнему зданию, где работала Андреа.

– Вы сказали, что были в лаборатории вместе с коллегой, – заговорил на бегу Монк. – Она знала, куда вы направились?

Ответ он получил, когда они добрались до начала перехода. Им навстречу быстрым шагом шел высокий мужчина в блестящем дождевике – а дождя не было уже несколько дней.

Их взгляды встретились.

Монк узнал хищный блеск в глазах. Оттолкнув Андреа назад, он вскинул пистолет. В то же время мужчина поднял руку, раздвигая полы дождевика и открывая короткоствольный пистолет-пулемет. Он выпустил длинную очередь вдоль перехода. Странное оружие издало звук не громче, чем миксер, но пули вгрызлись в угол, за который успели нырнуть Монк и его спутники. Во все стороны брызнули осколки выбитой штукатурки и кафельной плитки.

– К лестнице! – приказал Монк, указывая назад в сторону атриума.

Но когда они добежали до нижней площадки лестницы, сверху послышались гулкие шаги.

Монк приказал своим спутникам остановиться. Осторожно заглянув вверх, он увидел мужчину, торопливо сбегающего вниз, в высоких ботинках и черном дождевике, таком же, как и у первого убийцы. Еще один. Отскочив назад, Монк повел своих спутников обратно в лабиринт подземных коридоров.

Нужно было как можно быстрее выбраться отсюда.

Когда они пробежали по тускло освещенным проходам, где-то в противоположной части подвала с грохотом захлопнулась тяжелая металлическая дверь.

Монк повернулся к Андреа.

– Кажется, это пожарный выход, – в безотчетном ужасе прошептала та.

Не надо было объяснять, что это означало.

Убийц было трое.

Глава 5

*10 октября,
18 часов 32 минуты
Вашингтон*

– Этот символ не значится ни в одной базе данных как принадлежащий какой-либо из известных террористических группировок, – сказал Пейнтер.

Он стоял за столом для совещаний, а на стене у него за спиной висел большой экран. На нем светилось увеличенное изображение креста и круга.

Пейнтер оперся о стол. Конференц-зал был новым дополнением к помещениям штаб-квартиры «Сигмы». Его построили после взрыва и пожара. Посреди зала стоял круглый стол с компьютером перед каждым креслом. За столом могли разместиться двенадцать человек, но в настоящий момент сидели только четверо.

Кэт, принеся в «Сигму» опыт работы с международными разведывательными ведомствами, сидела рядом с Пейнтером, справа от нее – Адам Пруст, специалист по криптографии, а напротив них – Джорджина Роу, новичок, занимающаяся биоинженерией.

– Итак, нам приходится начинать с первой клетки этого кроссворда, – сказал Пейнтер, принимаясь расхаживать вокруг стола.

Это помещение он создал только ради того, чтобы иметь возможность двигаться, наблюдать за теми, кто сидел за круглым столом.

– Что означает этот символ? Как он связан с уничтожением лагеря Красного Креста и жестокой расправой над сыном сенатора Гормена?

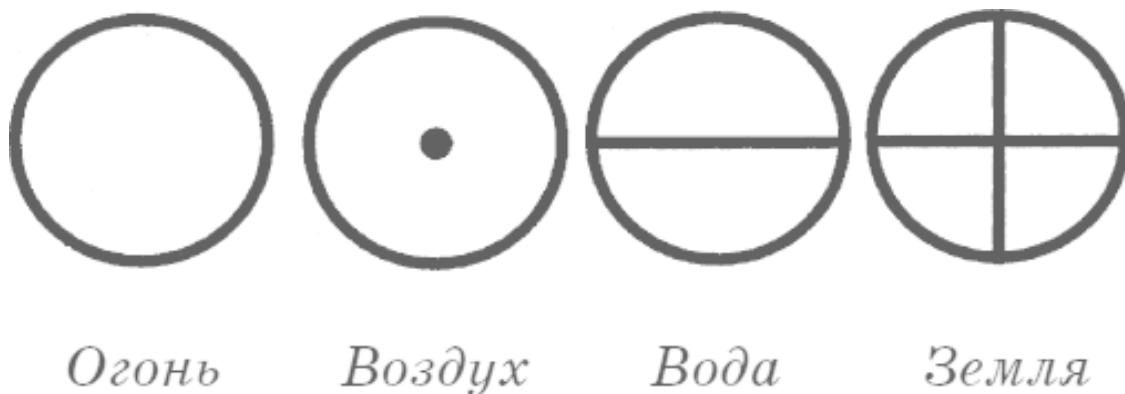
Кашлянув, Адам поднял руку к экрану. Сорока с лишним лет, он был в простых джинсах, черной водолазке и твидовой спортивной куртке.

– Этот символ имеет долгую историю, восходящую к первобытному человеку. Иногда его называют «четвертованным кругом». Значение его приблизительно одинаково во всех древних культурах. Круг обозначает землю. А крест разделяет мир на четыре части. У американских индейцев эти четыре части олицетворяют...

– Четыре ветра, – подтвердил Пейнтер. Чему-то похожему учил его отец.

– Совершенно верно. А в других культурах они символизируют четыре стихии: землю, ветер, воду и огонь. Иногда это делается следующим образом...

Адам набрал на клавиатуре команду, и изображение на экране изменилось.

– Как видите, рассеченный на четыре части круг становится символом самой Земли, включающей в себя все четыре стихии. Этот знак можно встретить по всему земному шару. Его этимология весьма любопытна и восходит к языческим временам. Во многих северных странах этот символ можно найти вырезанным на каменных плитах и столбах. Часто его сопровождает другой петроглиф – языческая спираль. Оба знака тесно связаны друг с другом.

– Связаны? – спросил Пейнтер. – Каким же образом?

Адам поднял руку, прося подождать, и снова застучал по клавиатуре. На экране появилось новое изображение.

– Вот стилизованная языческая спираль. Разновидности этого символа можно встретить во всей Северной Европе.

Еще одно нажатие клавиши – и спираль наложилась на рассеченный на четыре части крест.

– Видите, спираль начинается в центре круга и расширяется наружу, заполняя весь круг. В то время как рассеченный на четыре части круг представляет землю, спираль символизирует жизнь, в особенности путь души, которая поднимается от жизни к смерти и далее к новому возрождению.

Кэт вздохнула.

– Наблюдение замечательное, я понимаю, но какое отношение это имеет к зверствам, совершенным в Африке. Мы не отклоняемся от темы?

– Возможно, нет, – возразила Джорджина Роу, дородная женщина с волосами, остриженными под мужской полубокс. – Я внимательно изучила отчет НАТО, и хотя детали пока предварительные и до окончательного заключения еще далеко, я не могу избавиться от ощущения, что это была не стычка повстанцев с правительственными войсками Мали. Нападение имело целью уничтожить опытную ферму корпорации «Виатус».

– Полностью с этим согласна, – подтвердила Кэт. – Повстанцы-туареги никогда не демонстрировали подобную жестокость. Они, как правило, совершают стремительный набег и тотчас же отступают. Здесь же речь идет о полномасштабной бойне.

– Да еще того бедного парня распяли посреди сожженного кукурузного поля, заклеив его этим знаком. – Джорджина печально покачала головой. – Это предостережение, направленное против того, чем занималась корпорация, а именно против исследований в области генетически модифицированных сельскохозяйственных растений. Поскольку моей специальностью является биоинженерия, мне хорошо известно противоречивое отношение к продуктам питания, полученным из генетически модифицированного сырья. Во всем мире ширится движение против подобных манипуляций с природой. И хотя в основном оно порождается беспочвенными страхами и недостоверной информацией, свою роль играет и то, что надсмотр государственных органов за этой бурно развивающейся отраслью пока что очень слабый. Я могу рассказать обо всем подробнее...

Пейнтер остановил ее.

– Пока что давайте сосредоточимся на том, какое это может иметь отношение к делу.

– Тут все просто. Особенно сильно движение против генетически модифицированного продовольствия в Африке. Так, например, Замбия и Зимбабве недавно полностью запретили ввоз любой продовольственной помощи, содержащей генетически модифицированные продукты, хотя в обеих странах миллионы людей голодают. По сути, это глупая политика – «лучше умереть, чем принять еду». И подобные воинственные, бредовые настроения зреют как на дрожжах. Я уверена, что уничтожение лагеря Красного Креста на самом деле было ударом по

«Виатусу». – Джорджина указала на символ на экране. – И, по-моему, описание этого символа, предложенное Адамом, подкрепляет такую точку зрения.

Пейнтер начинал понимать.

– Символ, изображающий землю.

Решительный тон Джорджины полностью соответствовал ее убежденности в правоте собственных слов.

– Те, кто это сделал, уверены, что защищают землю. Я считаю, мы имеем дело с новой воинственной группировкой экологических террористов.

Кэт нахмурилась.

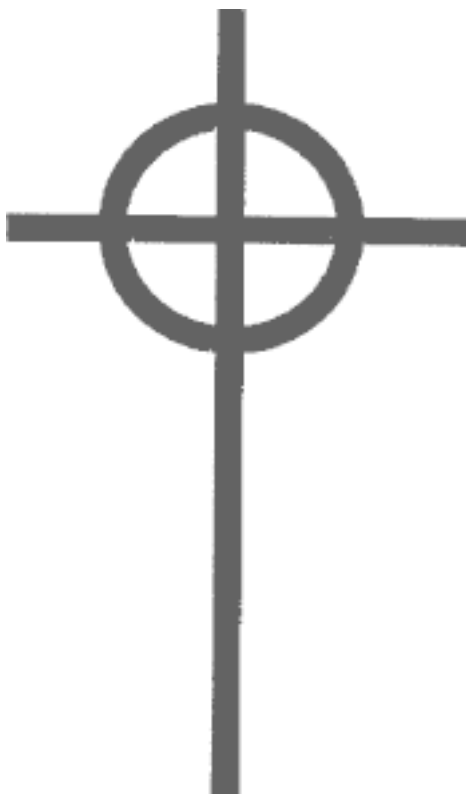
– Определенный смысл в этом есть. Я попрошу своих людей сосредоточиться на данном вопросе. Надо будет попытаться выяснить, кто эти террористы и где они базируются.

Пейнтер снова повернулся к Адаму Прусту, чья прозорливость стала отправной точкой.

– Мы тебя прервали. Ты больше ничего не хочешь добавить?

– Еще только один момент. По поводу четвертованного креста и спирали. Эти два символа имели огромное значение для язычников Северной Европы. Особенно для друидов. Больше того, когда северные страны приняли христианство, эти знаки перешли в новую эру. Друидический крест превратился в кельтский, который распространен и по сей день.

Адам вывел на экран новое изображение. Вертикальная линия языческого символа удлинилась вниз, образовав христианский крест.

– Точно так же, – продолжал Адам, – спираль стала изображать Христа, символизируя его переход от жизни к смерти и последующее воскрешение.

– И каково значение всего этого? – нетерпеливо спросила Кэт, несомненно горя желанием подхватить идею Джорджины.

Но Пейнтер понял, к чему клонил Адам своим последним замечанием.

– Значит, ты не думаешь, что эта экотеррористическая группировка базируется в Африке? – спросил он криптографа.

Тот покачал головой.

– Хотя разделенный на четыре части круг и встречается в некоторых африканских культурах, там он по большей части изображает не землю, а солнце. Я думаю, нам нужно нацелить свое расследование на Северную Европу. Особенно если учесть, что правление корпорации «Виатус» находится в Норвегии, в Осло.

Джорджина улынулась.

– Другими словами, нам предстоит искать ватагу оскорбленных друидов.

Не разделяя ее веселье, Адам пожал плечами.

– По всей Европе происходит возрождение неоязычества. Больше того, на самом деле многие из этих групп имеют долгую историю. «Британский круг универсальных уз». «Древний орден друидов». Обе эти организации восходят к началу восемнадцатого века, а есть и другие группы, утверждающие, что у них еще более древнее прошлое. Так или иначе, в последнее время движение неуклонно набирает силу, и некоторые секты настроены весьма воинственно. На мой взгляд, именно там должно сосредоточиться наше расследование. В Северной Европе.

Кэт кивнула, довольно рассеянно, уже начиная мысленно строить планы.

Пейнтер вернулся к своему месту.

– Полагаю, это будет хорошим трамплином. Если все...

Ему не дал договорить завибрировавший в кармане сотовый телефон. Пейнтер поднял руку, прося подождать, достал телефон и взглянул на номер звонящего. Это был его помощник. Пейнтер ощутил укол тревоги. Он попросил Брэнта не беспокоить его, если только не случится что-то чрезвычайное.

– В чем дело, Брэнт?

– Сэр, только что позвонили из оперативного отдела. Из Принстонского университета целый поток звонков в экстренные службы. Похоже, в лаборатории Карла Икана идет перестрелка.

Пейнтер постарался сохранить лицо непроницаемым. Именно в эту лабораторию направились Монк Коккалис и Джон Крид. Они должны были приехать в университет час назад. Пейнтер не смотрел в сторону Кэт, жены Монка.

– Свяжитесь с местными властями и запросите информацию со спутника, – распорядился Пейнтер, делая вид, что он не столько встревожен, сколько раздражен. – Я выезжаю на место. – Отключив телефон, он обвел взглядом собравшихся. – Отлично, каждый знает свое дело. За работу.

Развернувшись, Пейнтер направился к выходу.

Он чувствовал спиной пристальный взгляд Кэт. У нее возникли подозрения, но не было смысла напрасно тревожить ее до тех пор, пока не станут ясны подробности.

Тем более что она снова была беременна.

18 часов 45 минут

Монк вел своих спутников по подвалу, выставив пистолет вперед. У него было всего десять патронов... а нападающих как минимум трое. Соотношение не слишком обнадеживающее, особенно если учесть, что противники вооружены короткоствольными пистолетами-пулеметами. Ни один выстрел нельзя потратить впустую. В чемоданчике у него была запасная обойма, но чемоданчик он бросил у входа в лабораторию Маллоя.

– Отсюда есть еще какой-нибудь выход? – спросил Монк у Андреа.

– Нет... но...

Она бросила взгляд в обе стороны коридора. Джон Крид поддерживал ее за локоть, чтобы она не отставала.

– Но что? – нетерпеливо промолвил Монк.

– Здание лаборатории строилось по модульному принципу. Для того чтобы было проще изменять конфигурацию помещений, – поспешно выпалила Андреа. Затем она указала на потолок. – Между этажами есть технический уровень. С мостками для обслуживающего персонала.

Монк поднял взгляд вверх. Может быть, из этого что-нибудь получится.

– Где ближайший вход?

Андреа покачала головой, все еще не оправившись от потрясения.

– Не знаю...

Остановившись, Монк схватил ее за плечо протезом.

– Андреа, отдышитесь, успокойте...

Протрещала длинная очередь. В дальнем конце коридора появилась фигура в черном дождевике, поливающая все вокруг из пистолета-пулемета. Пули впились в пол и стены. Налетев плечом на Андреа, Монк вслепую выстрелил в сторону убийцы, расходуя драгоценные боеприпасы. Нападающий тотчас нырнул за угол. Монк толкнул женщину в ближайшую дверь. Крид поспешил следом за ними.

Они оказались в маленькой комнате, из которой в основное помещение вела двустворчатая дверь.

– Живо туда! – крикнул Монк.

Все трое перебежали в соседнюю комнату. Автоматически вспыхнувший свет озарил большое пространство, разделенное рядами клеток из нержавеющей стали. Монку в нос тотчас же ударил сильный запах животных испражнений. Он вспомнил описание подвального этажа, которое дала Андреа. Должно быть, они попали в виварий, где содержались подопытные животные. В одном из дальних рядов залаяла собака. Ближе возились какие-то маленькие тельца – и не такие уж маленькие.

В более крупных клетках нижнего ряда хрюкали и шумно нюхали воздух свиньи. Некоторые возбужденно повизгивали и носились кругами. Все они были молодые, размером с футбольный мяч, и Монк рассеянно отметил, что выражение «мяч из свиной кожи» наполнилось для него другим смыслом.

Он увлек своих спутников между рядами клеток. Забаррикадировать дверь не представлялось возможным, а убийца вот-вот появится здесь.

– Отсюда есть другой выход? – снова спросил Монк у Андреа.

Кивнув, та указала в противоположный конец вивария.

– Живо!

Монк услышал позади металлический грохот. Обернувшись, он увидел, что Крид на бегу раскрывает дверцы нижних клеток. Следом за ним в проход суетливо вырывались маленькие, розовые с черным тела. Они топтались на месте, разбегались в разные стороны, визжали и хрюкали. Столпотворение свиней все росло.

– Что ты?.. – начал было Монк.

– Препятствия, – бросил Крид, раскрывая новые клетки.

Монк кивнул, поняв его замысел. Неплохо будет оставить за собой десятки визжащих футбольных мячей. Это замедлит продвижение убийцы.

Они почти добежали до дальнего конца вивария, когда двустворчатая дверь за ними с грохотом распахнулась. Раздалась короткая очередь, быстро оборвавшаяся испуганным восклицанием, после чего последовал стук тела, грузно упавшего на пол.

Один – ноль в пользу свинок.

Монк подтолкнул Андреа к дальнему концу помещения, к другой двустворчатой двери. Еще через мгновение они снова вернулись в подземный коридор.

– Эти входы на технический уровень, – напомнил Монк, – где-нибудь поблизости есть хоть один?

– Единственный, о котором мне известно наверняка, остался в лаборатории доктора Маллоя.

Монк растерянно обвел взглядом лабиринт пересекающихся коридоров и комнат. Он потерял ориентацию.

– Вы сможете привести нас туда?

– Да. Идемте.

Андреа двинулась первой, несколько оправившись от шока, полная решимости. Монк держался рядом с ней. Крид следовал за ними. Монк обратил внимание, что парень зажимает рукой бедро. Штанина была мокрой.

Поймав его взгляд, Крид махнул рукой.

– Поймал рикошет. Пустяковая царапина. Идите!

Выбора у них все равно не было. За следующим поворотом Монк внезапно узнал коридор. Описав полный круг, они вернулись к лаборатории доктора Маллоя. В подтверждение этой догадки Монк увидел на полу перед распахнутой дверью свой чемоданчик.

Все трое со всех ног устремились вперед.

В дальнем конце коридора появился другой убийца в черном блестящем дождевике. До открытой двери в лабораторию оставалось еще ярдов десять.

Вскинув руку, Монк выстрелил в нападающего.

– Не останавливайтесь! – крикнул он, увидев, что Андреа и Крид замедлили шаг. – Бегите в лабораторию!

Хотя это могло показаться безумием – бежать навстречу убийце с автоматическим оружием в руках, – лаборатория предлагала единственный путь к спасению.

Монк сделал еще два выстрела. Патроны у него кончались, но выстрелы не позволяли убийце прицелиться. К несчастью, ожесточенная перестрелка не осталась незамеченной. За спиной раздалась новая очередь. Второй убийца. Противники решили загнать свои жертвы под перекрестный огонь.

Однако к этому времени все трое уже добежали до лаборатории.

Андреа и Крид юркнули внутрь. Монк нагнулся, и тут же у него над самой макушкой просвистела пуля. Подхватив свой брошенный чемоданчик, Монк перекатился по полу в распахнутую дверь.

Как только он оказался внутри, Крид захлопнул дверь.

– Запирается автоматически, – сказала Андреа, обхватив грудь руками.

Она старалась держаться подальше от кресла, в котором по-прежнему сидело мертвое тело доктора Маллоя.

Монк поднялся на ноги, сжимая в одной руке пистолет, а в другой – кожаный чемоданчик.

– Где вход на технический уровень?

Развернувшись, Андреа указала на потолок над лабораторным столом. Квадратная плита была обозначена символом опасного электрического напряжения.

Монк обернулся к Криду.

– Поднимай женщину туда. Быстро!

– А вы?

– Обо мне не беспокойся. Я от вас не отстану. А теперь шевелитесь!

Пока Крид поднимал Андреа на стол, Монк опустил на корточки. Ему нужно было выиграть как можно больше времени, чтобы дать остальным возможность бежать. Он понимал, сколь важно доставить Андреа в безопасное место. Несомненно, доктор Маллой рассказал ей что-то важное, что-то такое, из-за чего ее теперь хотели убить. И что бы это ни было, Монк тоже хотел это узнать.

Крид уже открыл технический люк и помогал Андреа забраться в него.

Укрывшись за мертвецом в кресле, Монк раскрыл чемоданчик и положил его на пол. При этом он не отрывал взгляда от двери. Сработал замок или нет, дверь защитит их от нападающих не больше, чем оберточная бумага. Особенно если учесть, какая огневая мощь в руках мерзавцев.

В обойме пистолета оставалось всего два патрона. Нужно достать из чемоданчика новую.

Но только Монк протянул руку к запасной обойме, дверная ручка влетела в комнату, словно брошенная взрывной волной, вместе с приличным куском косяка. От удара дверь распахнулась.

Увидев мелькнувший черный дождевик, Монк выстрелил в него. Дважды. Затвор отлетел назад и застыл, указывая на то, что патроны кончились.

Убийца скрылся.

Монк лихорадочно схватил новую обойму, извлекая из пистолета пустую. Краем глаза он заметил, как в дверном проеме появилась рука. В помещение влетел черный металлический предмет размером с бейсбольный мяч.

О, только не это!..

Граната.

Монк бросил пистолет и пустую обойму. Оставаясь на коленях, он схватил раскрытый чемоданчик, поймал гранату внутрь и резко свел руки вместе, захлопывая чемоданчик. Вскочив на ноги, Монк размахнулся и выбросил чемоданчик в открытую дверь.

Еще до того как чемоданчик вылетел за порог, Монк уже пришел в движение. Развернувшись, он запрыгнул на стол и бросился к открытому люку в потолке, где только что исчезли ноги Крида.

– Быстрее!

Слишком поздно.

Взрыв прогремел оглушительный, вспышка ослепила Монка. Взрывная волна буквально внесла его в узкое пространство между этажами. Налетев головой на вентиляционные трубы, он рухнул прямо на Крида. Какое-то время они старались освободиться друг от друга, и Монк получил локтем в глаз.

Оглушенный, ругаясь, он махнул рукой, призывая остальных поспешить вперед. Коккалис сомневался в том, что убийцы последуют за ними, но не собирался терять бдительность до тех пор, пока все они не окажутся в каком-нибудь безопасном месте, где много оружия.

Спотыкаясь, все трое бежали вперед, наполовину оглохшие, наполовину ослепшие.

Как и говорила Андреа, техническое пространство для удобства обслуживающего персонала было оборудовано мостками и лесенками. Прошло немного времени, и беглецы выбрались из чрева здания в царящий наверху хаос. Все вокруг уже было забито полицией. На поле перед зданием Монка и его спутников встретили патрульные машины, микроавтобусы групп спецназа и орда журналистов и телевизионщиков.

Пошатываясь, все трое вышли на открытое место, и тотчас же их окружила полиция. Прежде чем Монк успел вымолвить хоть слово, его схватили за руку, оттащили в сторону, предъявили ему полицейский значок.

– Министерство внутренней безопасности, – объявил человек размером с гору. – Доктор Коккалис, у нас есть приказ из Вашингтона доставить всех вас в безопасное место.

Монк не возражал. Он не имел ничего против этого приказа. Но, направляясь к машине, печально оглянулся на здание.

Кэт его убьет.

Чемоданчик стоил просто бешеные деньги.

Глава 6

11 октября, 6 часов 28 минут

Аэропорт Фьюмичино, Италия

Грей вышел из здания главного римского аэропорта и направился к стоянке такси. Звучали клаксоны, урчали моторы туристических автобусов. Даже в этот ранний час пространство перед аэропортом было заполнено машинами приезжающих и отъезжающих пассажиров.

Пробираясь сквозь толпу, Грей прижимал к уху сотовый телефон. Продвигаться вперед ему существенно помогал огромный верзила, ледоколом расчищавший перед ним путь. Грей старался не отставать от своего телохранителя. Джо Ковальски не любил летать самолетами. Определенно бывший моряк предпочитал открытое море коммерческим авиалиниям. Даже сейчас он не переставал ворчать.

– А еще теснее кресла не могли сделать? – Болезненно морщась, великан растирал шею. – Колени у меня только что не чесали уши. Как будто авиакомпания решила провести осмотр моей простаты. Но все бы еще терпимо, если бы среди стюардесс была хотя бы одна женщина. – Ковальски оглянулся на Грея. – Та девица с усиками не в счет.

– Но ты же сам вызвался лететь со мной, – напомнил Грей, дожидаясь телефонного соединения.

– Вызвался? – оскалился Ковальски. – Когда мне предложили полуторный оклад? Да это все равно как если бы мне к затылку приставили пистолет. Мне ведь приходится содержать подружку.

Грей по-прежнему никак не мог понять отношений между бывшим морским пехотинцем и профессором университета, но, по крайней мере, со времени их знакомства Ковальски стал чаще принимать душ. И даже черные заросли у него на голове были теперь уложены более ровными рядами.

Грей махнул рукой, поторавливая своего напарника. Он никак не мог дозвониться до Агентства по охране культурного наследия, в котором работала Рейчел. Перед отъездом из Вашингтона Грей договорился с ней, что она будет ждать у выхода из международного аэропорта, однако в толпе встречающих ее не оказалось. Грей позвонил Рейчел домой и на сотовый, но никто не ответил. Решив, что она застряла в пробке, он подождал еще полчаса.

Эту задержку Грей использовал, чтобы связаться с «Сигмой». Дома сейчас было чуть больше полуночи. Директор Кроу ввел его в курс событий, произошедших в Нью-Джерси. Монку пришлось принять участие в перестрелке. Судя по всему, речь шла о действиях какой-то экотеррористической группировки, однако подробности до сих пор отсутствовали.

Услышав об этом, Грей ощутил желание немедленно самолетом вернуться домой, однако Пейнтер заверил его в том, что ситуация взята под контроль. Главный свидетель находится под защитой в надежном месте и отвечает на вопросы. Грею было приказано продолжать выполнение задания.

Наконец Грею в ухо ответил строгий женский голос, быстро заговоривший по-итальянски. Грей, больше года ухаживавший за Рейчел, успел поднабраться кое-каких навыков в этом языке.

– Лейтенанта Вероны сегодня нет на службе. Согласно расписанию дежурств, у нее сегодня выходной. Быть может, вас соединит с кем-нибудь еще...

– Нет, спасибо. Grazie.

Окончив разговор, Грей убрал телефон в карман. Он знал, что Рейчел намеревалась отпроситься с работы, и все же у него теплилась надежда, что она по какой-то причине пришла на службу. Беспокойство росло. Куда подевалась Рейчел?

Ковальски подождал такси, и они сели в машину.

Великан повернулся к Грею.

– А как насчет больницы? – спросил он. – Той, в которую забрали ее дядю?

– Точно, – кивнул Грей.

Он об этом не подумал. Быть может, состояние Вигора ухудшилось. Это может объяснить отсутствие Рейчел. Переживая за дядю, она забыла о назначенной встрече.

Позвонив в справочную, Грей наконец раздобыл номер администрации больницы. Попытка связаться с палатой Вигора окончилась неудачей. Но в конце концов Грей вышел на дежурную медсестру.

– Монсиньор Верона остается в реанимационном отделении, – ответила та. – Все дальнейшие расспросы можно вести только через его родственников или через полицию.

– Я просто хотел узнать, нет ли у него его племянницы. Лейтенанта Рейчел Вероны.

Голос женщины заметно потеплел.

– А, его *nipote*¹¹ Рейчел. *Bellissima ragazza*¹². Она провела здесь много часов. Но она ушла вчера вечером и сегодня еще не приходила.

– Если она появится, вы не могли бы ей передать, что я звонил?

Грей оставил номер своего сотового.

Убрав телефон в карман, он откинулся на спинку сиденья, уставившись на мелькающий за окном пейзаж. Такси мчалось по шоссе в сторону центра Рима. Рейчел сняла комнату в маленьком пансионе. Грей уже останавливался там, когда ухаживал за ней.

Он тщетно пытался найти причину, по которой Рейчел не приехала в аэропорт. Где она может быть? Беспокойство постепенно переходило в панику. Ему казалось, что такси еле ползет.

Первым делом надо будет узнать, не оставила ли она какого-нибудь сообщения в пансионе, после чего направиться к ней прямо домой. От пансиона до ее дома всего пара кварталов.

Но все же на то, чтобы туда добраться, уйдет какое-то время.

Слишком много времени.

С каждой милей сердце Грея колотилось все сильнее, левая рука судорожнее сжимала колено. Такси въехало в одни из ворот древнего города и направилось в сторону центра. Скорость машины замедлилась до черепашьяго шага. Улочки становились все уже и уже. По краям сновали пешеходы, между едва ползущими машинами петляли велосипеды и мотороллеры.

Наконец такси свернуло в переулок и остановилось перед маленькой гостиницей. Выскочив из машины, Грей схватил свою сумку, предоставив Ковальски расплачиваться с водителем.

С улицы пансион выглядел непримечательно. На крошечной бронзовой табличке на стене, размером не больше ладони, значилось: «Каса-ди-картина»¹³. Гостиница была устроена в трех примыкающих друг к другу зданиях восемнадцатого века. Короткая лестница спускалась в маленький вестибюль.

Грей направился вниз. Причина, по которой гостиница получила свое название, стала очевидна, как только колокольчик над дверью возвестил о его приходе. Все четыре стены были завешаны древними картами и картографическими инструментами. Предками владельцев пансиона были многие поколения путешественников и моряков, бороздивших океаны задолго до Христофора Колумба.

При появлении Грея из-за маленького деревянного стола поднялся сморщенный старичок в наглухо застегнутом сюртуке. Лицо хозяина растянулось в дружелюбной улыбке.

– Давненько вас здесь не было, синьор Пирс, – радушно приветствовал он Грея по-английски.

¹¹ Племянница (*ит.*).

¹² Замечательная девушка (*ит.*).

¹³ Casa di Cartina – дом карт (*ит.*).

– Вы правы, Франко.

Пока они обменивались любезностями, в комнату вошел Ковальски. Бывший военный моряк быстро окинул взглядом стену и с пониманием кивнул, одобряя выбор оформления.

– Франко, я хотел узнать, нет ли у вас каких-нибудь известий от Рейчел. – Грей поставился скрыть беспокойство. – Может быть, она оставила какое-нибудь сообщение?

Старик недоуменно наморщил лоб.

– Сообщение?

Грей почувствовал, как у него внутри все оборвалось. Очевидно, никакого сообщения не было. Может, Рейчел вернулась к себе...

– Синьор Пирс, зачем синьорине Вероне оставлять для вас сообщение? Она уже в номере, ждет вас.

Облегчение окатило Грея ведром холодной воды.

– Рейчел наверху?

Сунув руку в ящичек, Франко достал ключ и протянул его Грею.

– Четвертый этаж. Я предоставил вам отличный номер с балконом. Оттуда открывается замечательный вид на Колизей.

Кивнув, Грей схватил ключ.

– Grazie.

– Я попрошу портье отнести ваши вещи?

Но Ковальски уже подхватил сумку Грея с пола.

– Я все взял.

И подтолкнул Грея сумкой под зад, торопя его.

Еще раз поблагодарив Франко, Грей направился к лестнице. Узкая, винтовая, она напоминала скорее трап, и подниматься по ней можно было только по одному. Ковальски с подозрением посмотрел на нее.

– А где лифт?

– Лифта нет.

Грей зашагал по ступеням. Ковальски последовал за ним.

– Должно быть, ты надо мной издеваешься, черт бы тебя побрал.

Великан с трудом тащил себя и сумки вверх. Через два этажа его лицо побагровело, а ругательства полились сплошным потоком.

Поднявшись на четвертый этаж, Грей стал по обозначениям на стенах искать свой номер. Лабиринт узких коридоров изобилдовал острыми углами и тупиками.

Наконец нужная дверь отыскалась. Хотя это был его номер, Грей все равно постучал перед тем, как вставить ключ в замочную скважину. Он толкнул дверь, горя нетерпением увидеть Рейчел, сам удивленный глубиной своего чувства. Прошло уже столько времени...

– Рейчел! Это Грей.

Молодая женщина сидела на кровати, вырисовываясь силуэтом на фоне окна, залитого утренним солнцем. При появлении Грея она быстро встала.

– Почему ты не позвонила? – спросил Грей.

Прежде чем Рейчел успела ответить, послышался другой женский голос:

– Потому что я ее об этом попросила.

Только теперь Грей заметил, что правая рука Рейчел прикована наручниками к спинке кровати. Он обернулся.

Из ванной вышла стройная женщина, закутанная в халат. Ее влажные черные волосы, расчесанные на прямой пробор, спадали ниже плеч. Прислонившись к дверной раме и небрежно скрестив ноги, женщина пристально смотрела на Грея миндалевидными глазами цвета холодного нефрита.

В руке она держала пистолет, направленный на Грея.

– Сейхан...

1 час 15 минут

Вашингтон

– Мы из нее больше ничего не вытянем, – сказал Пейнтеру Монк, устало опускаясь на стул перед письменным столом. – Она измучена и все еще не оправилась от шока.

Пейнтер внимательно посмотрел на Монка. Его подчиненный также с ног валился от усталости.

– Крид завершил анализ генетической информации?

– Еще несколько часов назад. Он хочет провести статистическое исследование для полной уверенности, но по состоянию на данный момент все подтверждает рассказ Андреа Солдерич. По крайней мере в той степени, в какой мы смогли его проверить.

Пейнтер внимательно следил за ходом расследования. Ему было известно, что лаборантка доктора Маллой подробно пересказала разговор, который состоялся у нее с профессором за час до его гибели. Маллой завершал анализ генетической информации, составлявшей большую часть файла, который Джейсон Гормен переслал по электронной почте своему отцу. Это была генетическая карта кукурузы, выращенной в Африке. Радиоактивные изотопы отмечали гены, чуждые для данного сорта.

Две хромосомы.

– А что насчет исходного файла? – спросил Пейнтер. – Того, который Джейсон Гормен прислал профессору два месяца назад. Содержавшего генетическую информацию семян, которые были посажены на том поле?

Монк провел ладонью по бритому черепу.

– Компьютерщики Принстонского университета все еще бьются над тем, чтобы восстановить данные. Они проверили все серверы, но, судя по всему, профессор хранил этот файл только в своем компьютере. В том, который спалили убийцы. Вся содержащаяся в нем информация полностью уничтожена.

Пейнтер вздохнул. Расследование постоянно заходило в тупик. Даже нападавшим удалось бесследно исчезнуть. Не было найдено ни одного тела. По-видимому, убийцы не погибли при взрыве своей собственной гранаты и сумели выскользнуть за оцепление вокруг лаборатории.

– Хотя конкретных доказательств у нас нет, я верю в рассказ Андреа, – продолжал Монк. – По ее словам, профессор обнаружил в ДНК исходных семян только одну чуждую хромосому. На его взгляд, это демонстрировало то, что генетическая модификация от поколения к поколению нестабильна.

– Однако без первого файла, – напомнил Пейнтер, – доказать это мы не можем.

– И все же только этим можно объяснить, почему профессора пытали, а затем убили. Несомненно, убийцы получили приказ уничтожить все следы существования того первого файла... и всех, кому было о нем известно. И они едва не добились своего.

Пейнтер нахмурился.

– С другой стороны, у нас есть только слово Андреа Солдерич. И, если ей верить, даже сам доктор Маллой не был абсолютно убежден в том, что речь идет о генетической нестабильности. Возможно, образцы ДНК принадлежали двум различным генетическим гибридам и не имели никакого отношения друг к другу.

– Так что же будем делать дальше?

– Полагаю, пора познакомиться поближе с тем, с чего все это началось.

Монк посмотрел на логотип в форме семени на обложке папки, лежащей на столе перед Пейнтером.

– Корпорация «Виатус».

– Похоже, все нити ведут к этой норвежской компании. Ты читал отчет о том, что у молодого Гормена на лбу был выжжен тот же самый знак, что и у профессора?

Монк поморщился от отвращения.

– Круг, рассеченный на четыре части. Какой-то языческий крест.

– Первым предположением было то, что речь идет о какой-то экотеррористической группировке. И возможно, это действительно так. Быть может, какие-то ненормальные объявили личную вендетту «Виатусу». И в том первом файле содержалась какая-то информация на этот счет. – Вздыхнув, Пейнтер потянулся. – Так или иначе, пришло время поговорить по душам с Иваром Карлсеном, президентом корпорации «Виатус интернэшнл».

– А если он не захочет с нами разговаривать?

– Два жестоких убийства на двух континентах – для него будет гораздо лучше, если он не станет отмалчиваться. Невыгодное освещение в средствах массовой информации способно обрушить курс акций быстрее, чем любые сообщения об убытках.

– Когда вы намереваетесь...

Монк не договорил. Раздался торопливый стук в дверь, которая тут же распахнулась. Кэт ворвалась в кабинет и быстро подошла к столу. Монк протянул было ей руку, но она не обратила на него внимания.

Пейнтер встрепенулся. Вряд ли известие было хорошим...

Кэт озабоченно щурилась; щеки у нее покраснелись, словно она всю дорогу бежала.

– У нас неприятности.

– В чем дело? – спросил Пейнтер.

– Ну почему я не получила это раньше? – Голос Кэт был проникнут отчаянием. – Судя по всему, наш запрос столкнулся с запросом Интерпола где-то над Атлантикой, и все перепуталось. Обе стороны не сразу сообразили, что речь идет о двух разных событиях. Глупо. Как будто собака гонялась за собственным хвостом.

– В чем дело? – повторил Пейнтер.

Монк взял жену за руку.

– Дорогая, успокойся. Сделай вдох – выдох.

Это предложение еще больше разозлило Кэт, но она только крепче стиснула руку мужа.

– Еще одно убийство. Еще один труп, отмеченный крестом в круге.

– Где?

– В Риме, – ответила Кэт. – В Ватикане.

Больше ей ничего не нужно было объяснять.

7 часов 30 минут

Рим, Италия

– Сохраняйте спокойствие, – сказала Сейхан.

Пистолет у нее в руке оставался неподвижным, словно скала.

Ковальски, стоявший позади Грея, выронил обе сумки, поднял руки и недовольно пробурчал:

– Грей, я ненавижу путешествовать вместе с тобой. Просто ненавижу.

Не обращая на него внимания, Грей смотрел на убийцу, которая в прошлом работала на «Гильдию». Впрочем, действительно ли *в прошлом*?

– Сейхан, что ты здесь делаешь?

В одном этом вопросе крылось сразу множество. Что она делает в Риме? Зачем взяла Рейчел в заложники? Почему направила на него пистолет? И вообще, как так получилось, что она находится здесь?

Информация, поступающая на спутник с вживленного маячка, однозначно свидетельствовала о том, что Сейхан находится в Венеции. Пейнтер сразу же сообщил бы Грею, если бы она перебралась оттуда в Рим.

Не ответив Грею, Сейхан задала встречный вопрос:

– Вы вооружены?

Она обвела взглядом Пирса и Ковальски.

– Нет.

Сейхан пристально посмотрела Грею в глаза, словно взвешивая, можно ли ему верить. В конце концов она пришла к выводу, что Грей говорит правду. Они с Ковальски прилетели в Рим только что, и у них просто не было времени, чтобы обзавестись оружием.

Пожав плечами, Сейхан убрала пистолет в карман и прошла в комнату. Она двигалась с изяществом пантеры – сплошные ноги и скрытая сила. Грей не сомневался, что в случае необходимости она в мгновение ока снова выхватит пистолет.

– В таком случае можно поговорить, как подобает старым друзьям, – насмешливо промолвила Сейхан, бросая Грею крошечный ключик.

Несомненно, это был ключ от наручников, которыми она приковала итальянку к кровати.

Поймав ключ на лету, Грей подошел к кровати и нагнулся к Рейчел.

– С тобой все в порядке? – прошептал он ей на ухо, отпирая наручники.

Их щеки на мгновение соприкоснулись. Знакомый запах, исходящий от волос девушки, расшевелил старые чувства, раздул угли, которые Грей считал давно остывшими. Выпрямившись, он отметил, что Рейчел отпустила волосы и они спадают ниже плеч. И еще она похудела, отчего ее высокие скулы стали еще заметнее, усиливая сходство с актрисой Одри Хепбёрн в молодости.

Освободившись от стального браслета, Рейчел принялась растирать запястье. Ее тон был резким от злости и смущения.

– Со мной все хорошо. На самом деле тебе лучше послушать, что скажет эта женщина. – Она понизила голос. – Только будь осторожен. Она напряжена, как тетива лука.

Грей повернулся к Сейхан. Та не спеша прошла к окну, откуда открывался замечательный вид на римские крыши. Неподалеку к небу поднимался громадный изгиб Колизея.

– Пирс, как думаешь, с чего мне лучше начать? – Сейхан даже не потрудилась обернуться к нему. – Никак не ожидал встретить меня в Риме?

Она уронила руку к левому боку. Сделано это было не случайно, а с укором. Во время операции в прошлом году ей был вживлен маячок. Как раз в левое бедро.

Сейхан подтвердила опасения Грея.

– Достаточно подозрительным было уже то, что мне удалось так запросто покинуть Бангкок. Но когда меня потом никто особенно и не искал, я поняла: здесь что-то не так. – Обернувшись, она посмотрела на Грея, насмешливо подняв брови. – Агент «Гильдии» бежит из-под стражи, а поиски ведутся спустя рукава?

– Ты обнаружила вживленный маячок.

– Нужно отдать должное вашей конторе, найти его было очень непросто. Даже полномасштабная магнитно-резонансная томография, которую я сделала в Санкт-Петербурге, ничего не выявила. Пять месяцев назад один врач провел хирургическое обследование, начиная с того места, где вы меня прооперировали.

Вот главное упущение в плане Пейнтера. Они недооценили уровень подозрительности у Сейхан.

– Операция продолжалась три часа, – с растущим раздражением в голосе продолжала Сейхан. – Я наблюдала за ней в зеркало. Хирург обнаружил маячок, вживленный в затянувшуюся рану – рану, которую я получила, спасая *твою* жизнь, Пирс.

От ярости ее лицо закаменело, но от Грея не укрылось чувство обиды, мелькнувшее у нее в глазах.

– Значит, ты удалила маячок. – Грей мысленно представил себе извилистый путь на мониторе наблюдения. – Но оставила его при себе.

– Я решила, что это может быть полезно. Ваш маячок позволял мне спрятаться у всех на виду. Я могла на время оставить его где-нибудь и двинуться дальше.

– Как ты поступила в Венеции.

Сейхан молча пожала плечами.

– В городе, где жил хранитель, которого ты убила. Где по-прежнему живет его семья.

Обвинение повисло в воздухе. Едва заметно покачав головой, Сейхан отвела взгляд. Грей не смог разобраться в промелькнувших у нее на лице чувствах.

– У девочки есть кошка, – тихо промолвила Сейхан. – Рыжая, с ошейником.

Грей понял, что под «девочкой» подразумевалась дочь убитого хранителя. Значит, Сейхан действительно провела семью, приблизилась к ней настолько, чтобы наблюдать обыденную жизнь матери и дочери, потрясенных внезапной смертью мужа и отца. И вероятно, она закрепила маячок у кошки на ошейнике. Это был очень ловкий ход. Кошка блуждает по переулкам и крышам, создавая впечатление того, что объект наблюдения находится в постоянном движении. Неудивительно, что агенты, направленные в Венецию, не смогли обнаружить Сейхан. Пока ищейки шли по ложному следу, настоящей «кошке» удалось скрыться.

Грею хотелось получить от этой женщины ответы на многие вопросы. И первым в очереди стоял тот, который он не успел задать во время их предыдущей встречи, в ходе разговора, так и оставшегося незавершенным.

– А как насчет твоего утверждения о том, что ты двойной...

Сейхан бросила на него резкий взгляд. Выражение ее лица не изменилось, но глаза стали каменно-твердыми, предостерегая Грея от продолжения. Он собирался спросить Сейхан насчет ее заявления о том, что она сотрудник западных спецслужб, внедренный в «Гильдию», однако она, очевидно, не желала продолжать этот разговор при посторонних. А может быть, Грей неправильно истолковал выражение ее лица. Быть может, Сейхан не смогла скрыть презрение к нему за его легкоеверие. Он вспомнил последние слова, сказанные ею в Бангкоке:

«Верь мне, Грей. Хоть самую малость».

Посмотрев на нее, Грей не стал задавать свой вопрос.

Это подождет.

– В таком случае почему ты здесь, в Риме? Чем объясняется встреча при таких обстоятельствах? – Грей указал на Рейчел.

– Потому что мне нужен козырь, чтобы торговаться.

– Который ты используешь как рычаг давления на меня? – Грей взглянул на Рейчел.

– Нет. Который я смогу предложить «Гильдии». После событий в Камбодже возникли серьезные подозрения относительно моей лояльности. Насколько я могу судить, «Гильдия» вынюхивала обстоятельства недавнего взрыва в соборе Святого Петра. Что-то вызвало ее интерес. Затем я услышала, что к этому происшествию имеет отношение монсиньор Верона...

– Происшествию? – взорвалась Рейчел. – Мой дядя в коме!

Сейхан пропустила ее слова мимо ушей.

– И вот я здесь. Я надеюсь извлечь из этой ситуации пользу. Если мне удастся получить какую-нибудь ключевую информацию относительно взрыва, я смогу вернуть полное доверие руководства «Гильдии».

Грей пытливо всмотрелся в ее лицо. Несмотря на жесткий цинизм, рассуждения Сейхан соответствовали тому заявлению, которое она сделала два года назад: она якобы была послана в «Гильдию», чтобы вывести на чистую воду главарей преступной организации. Единственный

способ расти в иерархии этого глубоко законспирированного сообщества – подниматься по кровавой пищевой цепи – заключался в том, чтобы приносить результаты.

– Я собиралась обстоятельно расспросить Рейчел, – продолжала Сейхан, – но, проникнув в ее дом, обнаружила, что у нее в квартире кто-то хозяйничает.

Грей вопросительно посмотрел на Рейчел. Та кивнула, подтверждая слова Сейхан, однако у нее в глазах остался сердитый блеск.

– «Гильдия» определила, что нападавшие охотились за тем, что находилось у убитого священника, ради чего они были готовы на все. Вероятно, труп обыскали, однако взрыв не оставил убийцам времени ни на что другое. Например, на то, чтобы обыскать монсиньора Верону.

– Значит, кто-то предположил, что нужная им вещь должна быть у Вигора, – догадался Грей. Он повернулся к Рейчел. – А затем она попала к его племяннице, когда та забрала вещи из больницы.

Сейхан кивнула.

– И эти люди нагрянули к Рейчел домой.

У Грея в груди сжался комок страха. Если бы убийцы застали Рейчел дома, они жестоко пытали бы ее, после чего убили бы. И, ничего не найдя у нее в квартире, они, вероятно, сейчас ее ищут, установив наблюдение за всеми вероятными местами: квартирой, работой, даже больницей.

Существовал только один способ защитить Рейчел.

– Мы должны найти то, что они ищут, – вслух подытожил Грей.

Рейчел и Сейхан переглянулись.

– Эта вещь у меня, – сказала Рейчел.

Грей не смог скрыть свое изумление.

– Но мы понятия не имеем, что это такое, – объяснила Сейхан. – Покажи ему.

Сунув руку в карман, Рейчел достала крошечный кожаный мешочек, размером с кошель для монет. Она вкратце рассказала о своей находке, о том, как обнаружила мешочек висящим на пальце бронзового скелета в соборе Святого Петра.

– На него меня вывел дядя Вигор, – закончила Рейчел, протягивая мешочек Грею. – Но мы с Сейхан больше ничего не смогли определить. Особенно относительно того, что находится внутри.

«Мы с Сейхан?..»

По ее небрежному тону можно было предположить, что женщины являются партнерами, а не похитителем и жертвой. Грей оглянулся на ванную. Пока Рейчел говорила, Сейхан скрылась за дверью, оставив полотенце на полу. Было слышно, как она там возится, и не вызывало сомнений, что она также следила за тем, что происходит в комнате. Малейшая попытка броситься к двери – и Сейхан выскочит с пистолетом в руке.

– У тебя точно все в порядке? – шепотом спросил у Рейчел Грей, перехватив ее взгляд.

Та кивнула.

– Сейхан приковала меня к кровати только тогда, когда пошла в душ. Она не из тех, кто доверяет.

В настоящий момент осторожность Сейхан Грея даже порадовала. Рейчел была такой же упрямой, как и он сам. Представься ей возможность вырваться на свободу, она бы не раздумывая ею воспользовалась. И это могло бы закончиться плохо. Если бы Рейчел попала в руки к другим охотникам, те обращались бы с ней не так любезно.

Теперь, когда Сейхан скрылась в ванной, Ковальски приблизился к Грею. Он указал на мешочек.

– Что там внутри?

Грей уже успел ослабить кожаный шнурок и вытряхнул содержимое мешочка на ладонь. Почувствовав на себе взгляд Рейчел, он понял, что она ждет его суждения.

– Это, случайно, не... – Ковальски наклонился через плечо Грея и тотчас же отпрянул назад. – Фу, какая гадость!

Грей не стал возражать.

– Это человеческий палец, – поморщившись, сказал он.

– Мумифицированный палец, – добавила Рейчел.

По лицу Ковальски разлилось отчаяние.

– И, зная вас, я уверен, что он, скорее всего, проклят.

– Откуда этот палец? – спросил Грей.

– Не знаю, но отец Джованни работал в горах на севере Англии. Проводил раскопки. Больше в полицейском отчете не сообщалось никаких подробностей.

Грей перекатил сморщенный бурый палец обратно в мешочек. Только сейчас он обратил внимание на грубую спираль, выжженную на коже. Охваченный любопытством, Грей перевернул мешочек и обнаружил на противоположной стороне другой знак. Круг и крест. Он сразу же узнал этот символ по рассказу Пейнтера о событиях в Вашингтоне. На двух континентах произошли два убийства, и тела жертв были отмечены таким же знаком.

Грей повернулся к Рейчел.

– Этот символ. Ты сказала, что сразу же догадалась о связи мешочка со взрывом. Откуда такая уверенность?

Он получил ответ, который и ожидал услышать.

– Нападавшие заклеямили отца Джованни, – Рейчел прикоснулась ко лбу, – тем же самым знаком. В прессе об этой подробности не было упомянуто. Интерпол занимается исследованием ее смысла.

Грей перевел взгляд на мешочек в руке.

Значит, *три* убийства на *трех* континентах.

Но как эти смерти связаны между собой?

Должно быть, Рейчел прочитала что-то у него на лице.

– В чем дело, Грей?

Но прежде чем он успел ответить, зазвонил телефон на тумбочке рядом с кроватью. На мгновение все застыли. Сейхан шагнула в комнату, одетая в черные обтягивающие брюки и бордовую блузку и натягивая на ходу выдавшую виды черную кожаную куртку.

– Кто-нибудь собирается отвечать? – спросил Ковальски, когда телефон зазвонил снова.

Шагнув к тумбочке, Грей снял трубку.

– Аллю?

Это был Франко, хозяин гостиницы.

– Синьор Пирс, я просто хотел предупредить, что к вам в номер направляются трое гостей.

Грей не сразу сообразил, что это может означать. В европейских гостиницах принято предупреждать постояльцев о том, что их кто-то спрашивает, на тот случай, если те не желают никого принимать. А Франко знал о том, что в прошлом Рейчел и Грей были в близких отношениях. Если так можно выразиться, он не хотел, чтобы гости застали их в неглиже.

Но Грей никого не ждал. Он понял, что это означает. Поспешно пробормотав «grazie», он повернулся к остальным.

– К нам гости.

– Гости? – недоуменно вскинулся Ковальски.

Сейхан сразу же все поняла.

– За вами следили?

Грей задумался. Он был так встревожен отсутствием Рейчел, что во время поездки в такси не замечал ничего вокруг. Кроме того, он вспомнил, как сам только что тревожился

насчет охотников, опасаясь, что они установят наблюдение за всеми, связанными с Рейчел. А он звонил самым разным людям.

Судя по всему, о его беспокойстве прознали не те, кому нужно.

Правильно истолковав выражение растущей уверенности у него на лице, Сейхан метнулась к двери, выхватывая из-за пояса пистолет.

– Так, ребята, нам пора выписываться из этой гостиницы.

Глава 7

*11 октября,
8 часов 04 минуты
Осло, Норвегия*

Ивар Карлсен наблюдал за штормом, который крепчал во фьорде. Он любил непогоду и сейчас радовался резкому переходу осени в зиму. Ночами уже было холодно, шли ледяные дожди со снегом. По утрам стали обычными заморозки. Вот и сейчас, опираясь костяшками пальцев на древние камни и глядя из сводчатого окна, Карлсен ощущал, как лицо овеивает прохлада.

Он стоял на верху башни Мунка. Это была самая высокая точка крепости Акерсхус, одной из главных достопримечательностей Осло. Первые внушительные каменные укрепления были возведены в тринадцатом веке на восточной стороне бухты королем Хоконом Пятым для защиты города. Впоследствии крепость дополнялась новыми рвами, стенами и бастионами. Башня Мунка, на которой сейчас находился Карлсен, была построена в середине шестнадцатого века, когда защита крепости и замка была усилена пушками.

Выпрямившись, Карлсен положил руку на одно из древних орудий. Холодный чугун напомнил ему о долге, о его обязанности защищать не только свою страну, но и весь мир. Вот почему Карлсен выбрал именно старинную крепость как место проведения ежегодной конференции ЮНЕСКО по проблемам продовольствия. Этот бастион как нельзя лучше подходил для нынешнего тревожного времени. Больше миллиарда человек по всему миру сталкиваются с недостатком продуктов питания, и Карлсен сознавал, что это только начало. Конференция имела жизненно важное значение для мира в целом и для его компании «Виатус интернэшнл» в частности.

Ничто не сможет помешать его планам: ни то, что произошло в Африке, ни даже то, что сейчас происходило в Вашингтоне. Задачи, которые он поставил перед собой, имеют огромное значение для безопасности во всем мире, не говоря уже про сохранение семейного достояния.

В далеком 1802 году, когда Осло еще назывался Христианией, братья Кнут и Артур Карлсены объединили лесозаготовительную компанию и мельницу для производства пороха, положив начало будущей империи. Вскоре их состояние было уже легендарным, они стали крупнейшими промышленными магнатами страны. Но уже тогда братья начали совмещать свои успехи в бизнесе с добрыми делами. Они финансировали школы, строили больницы, прокладывали дороги и, что самое главное, спонсировали все новое на своей быстро развивающейся родине. Поэтому свою компанию они называли «Виатус», от латинских слов *via*, что значит «путь», и *vita*, «жизнь». Для братьев Карлсенов название «Виатус» означало «путь жизни». В нем выражалась их вера в то, что главной задачей фирмы является совершенствование мира, и сознание того, что богатство налагает большую ответственность.

Ивар намеревался продолжать дело своих предков, которое в конечном счете способствовало созданию Норвегии. Ходили слухи о том, что корни фамильного дерева Карлсенов уходят во времена первых викингов, переплетаясь с корнями Иггдрасиля, знаменитого дерева жизни древнескандинавской мифологии. Но Ивар знал, что подобные притязания на самом деле не более чем красочные сказки, рассказанные его старыми *bestefar* и *bestemor*¹⁴, предания, переходящие от одного поколения к другому.

Так или иначе, Ивар гордился историей своей семьи. Он с готовностью принимал сравнение с викингами. Именно викинги выковали северный мир, водя свои украшенные драконьей головой суда к берегам Европы, в Россию и даже в Америку.

¹⁴ Дедушкой и бабушкой (норв.).

Так что у Ивара Карлсена были все основания гордиться своим прошлым.

С верхушки башни Мунка Карлсен наблюдал за черными тучами, которые затягивали небо над фьордом. С минуты на минуту начнется ливень, который к полудню перейдет в ледяной дождь со снегом, а к вечеру, скорее всего, сменится настоящим снегопадом. Все говорило о том, что снег в этом году ляжет на землю рано – еще одно свидетельство меняющегося характера погоды. Природа возмущалась тем вредом, который наносил ей человек, бунтовала против удушливых токсинов и повышающейся концентрации углекислого газа. Пусть другие сомневаются в том, что в глобальном потеплении виноват человек. Ивар жил в стране ледников. Ему была известна правда. Снежные шапки на вершинах гор и вечная мерзлота таяли с небывалой скоростью. В 2006 году отступление норвежских ледников было рекордным за всю историю наблюдения.

Мир менялся, таял на глазах. И кто-то должен был подняться на защиту человечества.

«Даже если это будет кровавый викинг», – с мрачной усмешкой подумал Карлсен.

Он тряхнул головой, прогоняя глупую мысль. Уж в его-то возрасте! Странно, как прошлое с годами все большей тяжестью ложится на сердце. Ивар приближался к своему шестидесятипятилетию. Но хотя его рыжие волосы уже давно стали белоснежными, он носил их ниспадающими до плеч. Кроме того, Карлсен усиленно занимался спортом, как в парных банях, так и на ледящем холоде. Вот и сегодня утром он в мороз пешком поднялся на эту господствующую точку. С годами его тело закалилось, а кожа на лице превратилась в твердый бурый пергамент.

Карлсен взглянул на часы. Хотя официально конференция ЮНЕСКО должна была начаться только завтра, сегодня ему предстояло посетить несколько организационных совещаний.

Когда начался наконец дождь, Ивар направился вниз. Он успел заметить во дворе следы приготовлений. Несмотря на непогоду, там были расставлены палатки и столики. К счастью, большая часть заседаний и лекций пройдет в просторных залах замка Акерсхус. Даже в средневековой крепостной часовне будут даны несколько вечерних концертов с участием хоровых групп со всего мира. Кроме того, для участников и гостей конференции будут открыты военные музеи, расположенные в крепости, Музей норвежского сопротивления и Музей вооруженных сил, а также подземные помещения самого замка, где состоятся экскурсии по древним темницам и казематам, сопровождающиеся рассказами о призраках и ведьмах, которые обитают во всех старинных мрачных крепостях.

Впрочем, и действительность Акерсхуса была столь же мрачной. Во время Второй мировой войны крепость заняли немецкие войска. Многих норвежцев пытали и казнили в этих стенах. А затем именно здесь заседал трибунал, именно здесь были расстреляны коллаборационисты и предатели, сотрудничавшие с нацистами, в том числе печально знаменитый Видкун Квислинг.

Спустившись на нижний уровень башни, Карлсен вышел во внутренний двор крепости. Стоя одной ногой в настоящем, а другой – в прошлом, он заметил низенького мужчину с солидным брюшком только тогда, когда буквально наткнулся на него. Ивар сразу же узнал Антонио Гравела. Нынешний президент Римского клуба был чем-то заметно недоволен.

И Карлсен знал, чем именно. Он надеялся оттянуть встречу с Гравелом еще на несколько часов, но, похоже, президент клуба не желал ждать ни минуты. Карлсен и Гравел постоянно сталкивались друг с другом с тех самых пор, как Карлсен вступил в организацию.

Римский клуб являлся международной «фабрикой мозгов», состоящей из видных ученых, промышленников, политиков и даже членов королевских семей. Со времени своего основания в 1968 году он разросся в организацию, объединяющую представителей тридцати с лишним стран со всех пяти континентов. Главной задачей Римского клуба было распространение

информации о приближающемся глобальном кризисе, который угрожал всему человечеству. Отец Ивара был в числе его основателей.

После смерти отца Ивар занял его место и вскоре обнаружил, что Римский клуб полностью подходит ему как в личном плане, так и для выполнения стоящих перед ним задач. За несколько лет Карлсен быстро поднялся до самых высот. Как следствие, Антонио Гравел видел в нем растущую угрозу, и уже несколько месяцев он оставался болезненной занозой в боку у Ивара.

И все же Карлсен придал лицу теплое, радушное выражение.

– А, Антонио. У меня мало времени, почему бы вам не пройтись со мной?

Он направился дальше, и Гравел последовал за ним.

– Ивар, вы должны выкроить время. Я согласился с тем, чтобы провести конференцию ЮНЕСКО в этом году здесь, в Осло. По крайней мере, вы могли бы должным образом оценить мои заботы.

Лицо Карлсена оставалось бесстрастным. Гравел ни с чем не «соглашался»; он отчаянно сопротивлялся каждому шагу Ивара. Сам он хотел провести ежегодную конференцию в Цюрихе, где в настоящее время размещался секретариат Римского клуба. Но Карлсен перехитрил президента и добился того, что конференция была перенесена в Осло, в основном ради одной организованной им специальной экскурсии, которая была намечена на последний день работы. Участие в этой экскурсии должны были принять только избранные.

– Я считаю, – настаивал Гравел, – что как президент Римского клуба я должен сопровождать тех, кто отправится на Шпицберген.

– Я все понимаю, Антонио, но, боюсь, это невозможно. Вы должны понимать, как сложно было организовать эту поездку. Если бы все зависело только от меня, я с радостью наслаждался бы вашим обществом, однако норвежское правительство ограничило число посетителей Шпицбергена.

– Но... – Гравел тщетно пытался подобрать подходящий аргумент. На его лице читалась неприкрытая зависть.

Карлсен спокойно наблюдал за тем, как его коллега кипит от злости. «Виатусу» пришлось выложить целое состояние, чтобы арендовать эскадру реактивных лайнеров, которым предстояло доставить элиту конференции на отдаленный норвежский архипелаг Шпицберген в Северном Ледовитом океане. Целью поездки была особая экскурсия в Глобальный банк семян, находящийся на Шпицбергене. Огромное подземное хранилище создали для того, чтобы сохранить и сберечь семена всех растений Земли, и в первую очередь семена сельскохозяйственных культур. Оно было устроено глубоко под землей, в отдаленном, труднодоступном месте, среди вечных льдов – на случай глобальной катастрофы, природной или иной. Если такое когда-либо произойдет, замороженные, спрятанные под землей семена сохранятся для тех, кто выживет.

Так Шпицберген получил прозвище «Хранилище Судного дня».

– Но... я полагаю, что в такой поездке, – продолжал Гравел, – правлению Римского клуба следовало выступить единым фронтом. Проблема продовольственной безопасности стоит в настоящее время так остро...

Карлсен сделал над собой усилие, чтобы не закатить глаза. Он знал, что желание Антонио Гравела отправиться на Шпицберген не имеет никакого отношения к проблеме продовольственной безопасности, а объясняется лишь стремлением потолкаться в обществе нового поколения мировых лидеров.

– Вы совершенно правы насчет проблемы продовольственной безопасности, – согласился Карлсен. – Больше того, эта тема станет главной в моей вступительной речи.

Он надеялся своей речью развернуть силы Римского клуба в новом направлении. Пришло время действовать. Лицо Гравела потемнело. Заискивание сменилось неприкрытой злобой.

– Кстати, о вашей речи, – язвительно промолвил Гравел, – я получил предварительные наброски и ознакомился с ними.

Застыв на месте, Карлсен развернулся к спутнику.

– Вы прочитали мою речь? – Никто не должен был заранее знать ее содержание. – Где вы ее достали?

Гравел небрежно отмахнулся от этого вопроса.

– Не имеет значения. Главное то, что вы не можете произнести такую речь, если рассчитываете и дальше представлять интересы Римского клуба. Я обсудил этот вопрос с сопresidentом Бутой. И он полностью со мной согласен. Сейчас не время вещать на весь мир об угрозе неминуемого коллапса. Это... это безответственно.

Нахлынувшая кровь сожгла холод на лице Карлсена.

– В таком случае когда же придет это время? – спросил он, с вызовом выставив подбородок. – Тогда, когда весь мир скатится в хаос и девяносто процентов населения вымрет?

Гравел покачал головой.

– Именно об этом я и говорю. Вы собираетесь выставить наш клуб как сборище сумасшедших, предрекающих конец света. Мы этого не потерпим.

– Не потерпите? Да ядром моей речи является опубликованный доклад Римского клуба!

– Да, знаю. «Пределы роста». Вы неоднократно цитируете его в своей речи. Этот доклад был написан в далеком тысяча девятьсот семьдесят втором году.

– Но сейчас он еще более актуален! В докладе в мельчайших подробностях описывается всемирный коллапс, к которому мы сейчас неумолимо приближаемся.

Карлсен подробно исследовал «Пределы роста», анализируя приведенные в докладе графики и таблицы. В этой работе моделировалось будущее мира, при котором население продолжает расти резко, экспоненциально, в то время как производство продовольствия увеличивается только арифметически. В конечном счете население исчерпает возможности производить достаточно продуктов питания, чтобы прокормить себя. Мир локомотивом налетит на эту точку и помчится дальше. А затем последуют хаос, голод и войны, следствием чего станет полное уничтожение человечества. Даже самые оптимистичные модели показывали, что погибнет не меньше девяносто процентов населения. В дальнейшем исследования повторялись неоднократно – и с теми же жуткими результатами.

Гравел пожал плечами, отмахиваясь от всей проблемы. Карлсен стиснул кулак, испытывая непреодолимое желание разбить ему нос.

– В своей речи, – продолжал Гравел, даже не подозревая о нависшей над ним опасности, – вы выступаете за радикальный контроль над численностью населения. С этим никто никогда не согласится.

– Другого выхода нет, – отрезал Карлсен. – Обмануть неизбежное будущее не удастся. Всего за два десятилетия численность населения Земли увеличилась с четырех до шести миллиардов человек. И нет никаких признаков замедления темпов роста. Еще через двадцать лет нас будет уже девять миллиардов. И это тогда, когда осваиваются последние оставшиеся клочки пригодной для обработки земли, когда глобальное потепление приводит к бедственным последствиям, когда океаны испаряются! Человечество достигнет критической точки гораздо раньше, чем кажется. – Он схватил Гравела за руку, давая выход своим чувствам. – Но мы можем смягчить удар, начав планирование прямо сейчас. Есть только один способ избежать полной глобальной катастрофы – а именно медленно и последовательно снижать количество человеческой биомассы на планете, до того как мы достигнем точки «перегрева». От этого зависит будущее человечества.

– Да у нас и так неплохо получается, – возразил Гравел. – Или у вас нет веры в свои собственные разработки? Разве не должны генетически модифицированные растения, кото-

рые патентует ваша корпорация, открывать для сельского хозяйства новые земли, приносить бóльшие урожаи?

– Но даже это позволит нам лишь выиграть немного времени.

Гравел взглянул на часы.

– Кстати, о времени. Мне пора идти. Я передал вам точку зрения Буты. Вы должны переложить свою речь.

Карлсен проводил взглядом Гравела, удалявшегося к подъемному мосту за воротами Киркегата.

Он остался стоять, не обращая внимания на начавшуюся морось, первую предвестницу приближающегося потопа. Ему хотелось, чтобы ледяные капли остудили его разгоряченное, гулко колотящееся сердце. Этот вопрос он обсудит с сопresidentом клуба позже. Быть может, ему действительно следует несколько поумерить пыл своего выступления. Возможно, лучше не выкручивать резко руль, который определяет судьбы мира.

Успокоившись, полный решимости, Карлсен направился к громаде часовни с ее большими розетками окон. Он уже опаздывал на встречу. Среди членов Римского клуба Карлсен собрал группу своих единомышленников, тех, кто был готов принимать непростые решения и отстаивать свои убеждения. Пусть Антонио Гравел и два сопresidentа числятся номинальными главами Римского клуба; Ивар Карлсен и его когорта, организация внутри организации, являлись истинным железным сердцем организации, горящим надеждой на будущее планеты.

Пройдя в часовню, Карлсен увидел, что остальные уже собрались в небольшом нефе. Скамьи были сдвинуты к одной стене, а слева от алтаря установлена небольшая трибуна. Сводчатые окна пропускали внутрь тусклый свет, к которому добавляла каплю веселья ярко горящая позолоченная люстра.

При появлении Карлсена люди обернулись.

Всего их было двенадцать.

Но именно в них заключалась истинная мощь клуба: это были промышленные магнаты, ученые, лауреаты Нобелевской премии, видные политики крупнейших государств, даже одна голливудская знаменитость, своей популярностью привлекавшая к деятельности группы как деньги, так и внимание.

Каждый выполнял свою задачу.

Даже шагнувший навстречу Карлсену мужчина в строгом черном костюме, с лицом осунувшимся и затравленным.

– Доброе утро, Ивар, – сказал мужчина, протягивая руку.

– Здравствуйте, сенатор Гормен. Пожалуйста, примите мои соболезнования в связи с вашей утратой. То, что произошло в Мали... Я должен был не жалеть денег на защиту лагеря.

– Не вините себя. – Сенатор стиснул Карлсену плечо. – Джейсон знал, с какими опасностями была сопряжена эта работа. И он гордился тем, что принимал участие в таком важном проекте.

Несмотря на такое заверение, чувствовалось, что эта тема по-прежнему причиняет сенатору боль. Он еще не оправился от гибели сына. Со стороны двух мужчин можно было принять за родных братьев. Себастьян Гормен был таким же высоким и мускулистым, как Карлсен, но его седые волосы были аккуратно подстрижены, а складки на брюках отутюжены до бритвенной остроты.

Карлсен удивился, увидев сенатора здесь, но, впрочем, этого следовало ожидать. В прошлом Себастьян Гормен уже не раз демонстрировал свою непоколебимость. Он играл ключевую роль в расширении работ по созданию биотоплива в западном мире. И нынешняя конференция имела для него особое значение. К тому же приближались очередные выборы, так что сенатору придется выкраивать время для скорби о своем сыне позже.

И все же Карлсен понимал боль Гормена. Сам он потерял жену и младенца сына при родах; в ту пору ему было всего тридцать. Трагедия едва не сломила его. Он так больше и не завел семью.

– Мы готовы начинать? – спросил сенатор, отступая в сторону.

– Да. Нам надо поторопиться. У нас очень много тем для обсуждения.

– Хорошо.

Пока сенатор собирал остальных у сдвинутых скамей, Карлсен смотрел ему в спину. Он не испытывал чувства вины. «Виатус» означает «путь жизни». А порой этот путь бывает очень трудным, требующим жертв.

Таких, как смерть Джейсона Гормена.

Молодой человек был убит по приказу Ивара Карлсена.

Трагическая утрата, но Карлсен не мог позволить себе предаваться жалости.

Глава 8

*11 октября,
8 часов 14 минут
Рим, Италия*

У них было меньше минуты. Нежданные визитеры, о которых предупредил хозяин гостиницы, направлялись навстречу. Грей не собирался дожидаться здесь их прихода.

Он быстро выпроводил всех в коридор, ведущий к пожарной лестнице. К счастью, лестница находилась как раз за углом от их номера. Распахнув окно, Грей отступил в сторону, пропуская Рейчел вперед.

– Спускайтесь вниз, – приказал он. – И спрячьтесь где-нибудь.

Рейчел выбралась в окно на железные ступени.

Повернувшись к Ковальски, Грей ткнул гиганта в грудь.

– Не отставай от нее ни на шаг.

– Можешь быть спокоен, – ответил тот, вылезая следом за Рейчел на лестницу.

Сейхан стояла в двух шагах от окна, широко расставив ноги, вытянув перед собой руки, сжимая большой черный пистолет «ЗИГ-Зауэр». Она держала под прицелом весь коридор.

– У тебя есть еще оружие? – спросил Грей.

– Я прикрою. Шевелись!

В коридоре послышались приглушенные голоса, сопровождаемые скрипом деревянных половиц. Убийцы поднялись на этаж и направлялись к их номеру. Вероятно, запутанные коридоры старинной гостиницы спасли беглецам жизнь, дав им дополнительное время, чтобы выбраться из западни.

Но не более того.

Развернувшись к окну, Грей выбрался на лестницу. Сейхан последовала за ним. Даже не оборачиваясь, она вслепую шагнула задом наперед в раскрытое окно, ни на мгновение не выпуская из вида коридор.

Рейчел и Ковальски уже спускались вниз. Они находились на уровне второго этажа, когда в них вдруг начали стрелять. Грей не услышал звука выстрелов, но узнал визг рикошета и увидел облачка кирпичной крошки, выбитой пулями из стены.

Выругавшись, Ковальски заслонил Рейчел своей могучей спиной, и они быстро полезли обратно вверх.

Грей разглядел стрелявшего, который укрывался за мусорными баками. Мерзавцы уже перекрыли выход в соседний переулок. Сейхан выстрелила в ответ. Убийца нырнул на бак, но ее пистолет был без глушителя. Грохот выстрелов больно ударил Грею по барабанным перепонкам. Можно было не сомневаться, что те из противников, кто находился внутри, также слышали этот звук.

– Быстро на крышу! – распорядился Грей.

Стрелок, оставшийся на земле, сделал несколько выстрелов вдогонку, но Сейхан не давала ему спокойно прицелиться, а железная клетка пожарной лестницы предоставляла хоть какое-то укрытие. К счастью, бежать предстояло не очень далеко. В гостинице было всего пять этажей.

Поднявшись наверх, Грей первым делом заставил всех отойти от края крыши. Впереди простиралось черное пространство, залитое битумом, заваленное голубиным пометом, с торчащими тут и там трубами вентиляции и отопления, покрытыми граффити. Надо было найти отсюда другую дорогу вниз. С пожарной лестницы уже доносился топот тяжелых ботинок. Преследователи спешили наверх.

Грей указал на дальнейшее крыло гостиницы. Там к зданию примыкало соседнее строение, на один этаж ниже. Это позволит беглецам скрыться из вида или, по крайней мере, спрятаться от выстрелов.

Они бросились бегом к невысокой стенке, разделявшей соседние здания. Грей добежал до нее первым. К стене гостиницы была прикручена болтами железная лестница, выкрашенная белой краской; она вела на крышу соседнего строения.

– Пошли!

Перекатившись через стенку, Рейчел начала торопливо спускаться по лестнице. Ковальски не стал дожидаться своей очереди. Ухватившись за край стенки, он повис на руках и прыгнул вниз, упав спиной на рубероид.

Звук выстрела заставил Грея обернуться.

В дальнем конце крыши у пожарной лестницы мелькнуло лицо в черной маске.

– Пирс, сейчас или никогда! – предупредила Сейхан.

Она выстрелила еще дважды, отбивая у преследователей охоту высовываться над стенкой. Воспользовавшись временным затишьем, Грей перемахнул через стенку и ухватился за поручни лестницы. Не обращая внимания на ступени, он, словно пожарный по шесту, соскользнул до самого низа.

Наверху снова загремели выстрелы.

Как только ноги Грея коснулись рубероида, он поднял взгляд. Сейхан перелетела через стенку, хватаясь одной рукой за лестницу. В другой она сжимала дымящийся пистолет. В спешке молодая женщина сорвалась с верхней ступеньки и начала падать вниз. Выронив пистолет, она снова попыталась ухватиться за ступеньку. Пальцы ее на мгновение сомкнулись вокруг железной трубы. Пистолет упал к ногам Грея. Рука Сейхан разжалась.

Она полетела вниз.

Метнувшись вперед, Грей оказался под лестницей. Сейхан тяжело свалилась ему в руки. От толчка Грей опустился на одно колено, но все же удержал ее. Оглушенная, Сейхан тяжело дышала, вцепившись ему в запястье.

Подобрав пистолет, Ковальски помог им подняться на ноги.

Грубо высвободившись из объятий Грея, Сейхан сделала шаг, пошатнулась, но удержалась на ногах. Развернувшись, она ловко выхватила пистолет из пальцев Ковальски, прежде чем тот успел хоть что-то сообразить.

– Эй... – Ковальски недоуменно уставился на свою руку, словно она его подвела.

– Там есть еще одна пожарная лестница, – окликнула их Рейчел.

Ее взгляд на мгновение задержался на Грее и Сейхан.

Все поспешили вперед. Верхняя часть пожарной лестницы была надежно укрыта за громоздкой вентиляционной трубой. Беглецы начали быстро спускаться вниз, перепрыгивая с одной площадки на другую. Лестница привела их в другой переулок. Это даст им возможность сделать свободный вдох, но Грей понимал, что сеть, раскинутая вокруг гостиницы, сейчас стремительно расширяется. И надо будет как можно скорее покинуть это место, прежде чем она снова сомкнется.

Переулок выходил на оживленную улицу. Беглецы направились к ней. Не имея возможности определить нападавших в толпе, они по-прежнему находились в опасности. Они могли наткнуться на одного из убийц, не догадываясь об этом. Нужно уйти как можно дальше от гостиницы, покинуть город.

Грей перевел вопросительный взгляд с Рейчел на Сейхан.

– У кого-нибудь из вас есть машина?

– У меня, – ответила Рейчел. – Но она осталась перед входом в гостиницу.

Грей покачал головой. Возвращаться назад слишком опасно. И, учитывая то, что в утренний час пик улицы превратились в сплошную парковку, от машины, наверное, все равно не было бы особого толка.

Внимание Грея привлекло раздавшееся слева приглушенное ворчание. Отскочив в сторону, он пропустил мотоциклиста, который несся мимо застывшего потока машин, то и дело выскакивая на узкий тротуар. Ковальски на мгновение замешкался, и мотоцикл едва не налетел на него, что только разозлило великана.

– Ах ты, долбаный Книвел!¹⁵

Ковальски толкнул обеими руками проезжавшего мимо мотоциклиста.

Тот вылетел из седла. Мотоцикл наткнулся на стоящую машину и повалился набок. Второй мотоциклист, петлявший между машинами, не заметил вовремя препятствие и, не успев затормозить, упал вместе с мотоциклом в сток для дождевой воды.

Посмотрев на Грея, Сейхан вопросительно подняла брови.

«Сойдет», – беззвучно ответил Пирс.

Сейхан бросилась к первому мотоциклу, Грей поспешил ко второму.

Им позарез был нужен транспорт.

Пистолет Сейхан подавил в зародыше все возможные возражения первого мотоциклиста. Быстро сориентировавшись в обстановке, Рейчел поспешила следом за Греем. Достав удостоверение карабинеров, она высоко подняла его в руке, властно выкрикивая по-итальянски. Второй мотоциклист поспешно отполз от своего упавшего мотоцикла.

Подняв мотоцикл, Грей перекинул ногу через седло. Рейчел устроилась сзади, обхватив его одной рукой за талию.

Сейхан уже сидела на втором мотоцикле. Ковальски растерянно застыл на месте, не зная, как ему быть. Сейхан похлопала по кожаному сиденью за собой.

– Ты что, шутишь? – обиделся великан. – Я сзади не поеду ни с кем, и уж точно не с девчонкой!

Сейхан по-прежнему сжимала в руке «ЗИГ-Зауэр». Она протянула пистолет Ковальски, рукояткой вперед, показывая, что не сможет одновременно управлять мотоциклом и стрелять.

Это было все равно что предложить кость голодной собаке.

Устоять Ковальски не смог. Схватив пистолет, он забрался на мотоцикл позади Сейхан.

– Вот так-то лучше.

Они тронулись под рев раздавшихся вдалеке полицейских сирен. Первым ехал Грей. Петляя из стороны в сторону, он лавировал между ползущими машинами, уворачиваясь от других мотоциклов. Рейчел кричала ему на ухо, направляя к более широким улицам, где пробки будут не такие плотные. Постепенно они набирали скорость.

Однако уехать далеко беглецы не успели.

Визг тормозов привлек внимание Грея назад.

Из переулка выехал черный «ламборгини», оставляя черные следы дымящимися покрышками. Из правого окна высунулась фигура в черной куртке, поднявшая к плечу толстую трубу.

Грей сразу же узнал реактивный гранатомет М-32.

Сейхан тоже его узнала.

Низко склонившись к рулю, она дала полный газ, однако на запруженной транспортом улице деваться было некуда.

Убедившись в том, что цель никуда не скроется, убийца выстрелил.

¹⁵ Книвел, Роберт Крейг, по прозвищу Злой – известный американский мотоциклист, исполнитель головокружительных трюков на мотоцикле.

2 часа 22 минуты

Вашингтон

Монк ждал вместе с Кэт в ее кабинете в штаб-квартире «Сигмы». Они растянулись вдвоем на кожаной кушетке. Монк обнимал жену, наслаждаясь мягким теплом ее тела. Хотя в здании имелось несколько комнат для отдыха, оба понимали, что все равно не смогут заснуть до тех пор, пока не получат каких-либо известий о Грее.

– Я должен был поехать в Рим вместе с ним, – пробормотал Монк.

– Рядом с ним Ковальски.

Монк молча смерил ее взглядом.

– Ну хорошо, – согласилась Кэт. – Может быть, так оно будет еще хуже. Но мы ведь даже не знаем наверняка, что у Грея какие-то неприятности.

– Он не отвечает на звонки.

Кэт плотнее прильнула к мужу.

– Он ведь встретился с Рейчел, – сказала она, многозначительно изгибая брови.

Но Монк не купился на такое объяснение.

Последовало долгое молчание, каждый был погружен в собственные мысли. Пейнтер рассчитывал дернуть кое за какие ниточки, чтобы выяснить, что происходит в Риме. Кэт также запросила дополнительную информацию относительно взрыва в Ватикане и теперь ожидала от Интерпола подробный отчет. Это было затишье перед бурей. И все же Монк не терял времени даром.

Протянув руку, он провел ладонью по животу Кэт. Та накрыла его руку своей. Их пальцы переплелись.

– Разве это плохо – мечтать о мальчике? – спросил Монк.

Другой рукой Кэт шутливо ткнула его в бок.

– Да...

Крепче прижимая ее к себе, Монк продолжал:

– Но мальчик... я мог бы с ним бороться, играть в баскетбол, ловить рыбу...

Кэт попыталась было вырваться, затем вздохнула и прильнула к мужу.

– Всем этим можно заниматься и с дочерью, женофоб!

– Ты назвала меня женолюбом?

– Женофобом... впрочем, не бери в голову.

Наклонившись, Монк поцеловал жену в губы.

– А мне больше нравится женолюб.

Кэт пробормотала что-то невнятное. Монк не смог разобрать слов, но еще через какое-то мгновение последовала удовлетворенная тишина. Их прервал стук в дверь. Отпрянув друг от друга, словно застигнутые врасплох школьники, они уселись на кушетке. Кэт встала и направилась к двери, по дороге разглаживая помятую одежду. Обернувшись, она сверкнула глазами на мужа, как будто это он был во всем виноват.

Открыв дверь, Кэт увидела Пейнтера.

– Господин директор...

Не дав ей договорить, Пейнтер махнул рукой вдоль коридора.

– Я иду в центр спутниковой связи. У нас большие неприятности в Риме.

Монк вскочил на ноги.

– Грей?

– Кто же еще?

Пейнтер уже удалялся по коридору.

8 часов 21 минута

Рим, Италия

«Ламборгини» неумолимо настигал замыкающий мотоцикл. Грей ничего не мог поделать.

В тот самый момент, когда убийца выстрелил из гранатомета, Ковальски несколько раз лихорадочно выпалил по машине. Ветровое стекло покрылось паутиной трещин. «Ламборгини» чуть дернулся в сторону – достаточно, чтобы сбить стрелку прицел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.